

Бруссуев Александр

16+

Кайкки лоппи

Александр Бруссуев

Кайкки лоппи

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Бруссуев А. М.

Кайкки лоппи / А. М. Бруссуев — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Кайкки лоппи - это сленговая фраза от финского выражения "кайки лоппу", что означает "полный капец". Иные моряки, попадая в иные ситуации иной раз могут проговорить такое. Море - это не всегда работа, море - это возможность быть атакованным пиратами. Так случилось возле берегов Сомали. Чтобы выжить в плену, чтобы освободиться, всегда важно верить в себя. И даже когда судьба вырисовывает "кайки лоппи", выход может быть найден. Вероятно, таков закон моря.

Слезы льет лёд.

В. Кузьмин.

Думы мои – достояние сердца.

Иов, Ветхий завет, гл. 16.

Вступление

Когда-то мне на глаза попался журнал, вестник Ай Ти Эф (международного профсоюза моряков). Наряду с обычной буржуазной лабудой про солидарность, борьбу и тому подобному, была заметка, в которой делился впечатлениями от сомалийского плена герой, престарелый английский, или голландский, или немецкий капитан. Его судно попало к, так называемым, пиратам, и, спустя всего три недели, им удалось освободиться. Лысый, ветхий и рябой капитан гордо рассуждал, как они, совместно со старшим механиком, отчаянно несли демократию в темные чернокожие массы. Дед, кстати, тоже был из тех: то ли англичанин, то ли голландец, то ли немец. По фотографии – заплывший лишними калориями старик с пустым взглядом и неизменным оскалом в форме улыбки. Все бы ничего, несчастье случилось – всякое бывает. Выжили – и слава богу. Но! Некоторые ответы на вопросы непутевого журналиста имели странную двусмысленность.

Прочитав интервью до конца, я немного закипел. Как известно со времен далеких пятидесятых годов, когда начал творить на море непревзойденный писатель В. В. Конецкий, капитан – средоточие зла на судне. Нельзя капитана осуждать, что он толкает слабых людей в петлю (в буквальном смысле), бросает членов своего экипажа в чужеземных застенках (по странным и недоказуемым обвинениям), топит свои суда (играя, положим, в Синдбада – Морехода), пьет беспробудно, устраивает голодный паек остальным (чтоб не сдохли) – это все просто бзик, по формулировке Конецкого. Я с ним, честно говоря, полностью согласен. А также разделяю точку зрения по этому поводу и другого гения морской словесности – А. М. Покровского, описавшего моря (глубины) 80-х, безразличные к простым человеческим порокам, возведенным в ранг закона, едва только личность получила лицензию капитана. Бог им судья, этим капитанам.

В нынешней жизни на морях, забывших про суда под российским флагом, приходится работать, зачастую, только думая на родном языке. Капитаны на судах – точно такие же, как в свое время были и в отечественном флоте. Но к этому нужно добавить, что все они – иностранцы. А это – худо, очень худо.

Вот, что запомнилось мне из того интервью.

Корреспондент: Какие национальности были у вас в подчинении?

Капитан: Мы со стармехом – англичане (или голландцы, или немцы), штурмана, механики, матросы – русские и филиппинцы.

Корреспондент: Русские с Москвы?

Капитан: Нет, по-моему, откуда-то с Украины или с севера. Не помню.

Корреспондент: Как относились к вам пираты?

Капитан: Нормально. Мы строго соблюдали ISPS (действия при угрозе терроризма или пиратства).

Корреспондент: Что было самым страшным?

Капитан: Самым страшным для нас стала угроза, что нас уведут в пустыню.

Корреспондент: Это как?

Капитан: Через два или три дня пираты сказали, что нас с дедом и филиппинцами угонят в пустыню, пока не заплатят выкупа.

Корреспондент: А русских?

Капитан: Их обещали расстрелять.

Корреспондент: Почему?

Капитан: Пираты их не понимали и не знали, что от них ждать. Да, если бы нас увезли в пески – было бы просто ужасно.

Тут-то, немножко покопавшись в разноязычных источниках, я и составил схему, как все это могло выглядеть. Что бывает в таких ситуациях на самом деле, зачастую не помнят даже сами участники – память избирательна и в состоянии стресса может отвлечься на какую-нибудь мелочь, игнорируя достаточно серьезные вещи.

Но читатель должен помнить, что все это – мой досужий вымысел: и интервью, и события. Все совпадения совсем случайны, а фамилии – вымышлены. Словом, плод воображения от первой буквы и до последней точки.

Часть 1. «Меконг»

1

Теплоход «Меконг» медленно умирал. Агония длилась уже вторые сутки. Благополучно кончилось топливо для дизель-генераторов, те, похрюкав своими разсинхронизированными голосами, потряслись в последнем танце, рождающем электричество, вырывая друг у друга последние крохи горючего, и умерли. Сразу же, конечно, завелся аварийник, обеспечив необходимой энергией все важнейшие потребители, но случившийся сигнал – аларм, по-судовому, выключить никто был не в состоянии. Так он и орал гнусным голосом будильника – переростка, пугая подкильную водяную мелочь.

Негры нервничали и палили из автоматов. Они стреляли в громкоговорители, установленные по всему судну, и, как то у них водится – друг в друга.

Экипаж радовался каждому удачному выстрелу. Во-первых, чем меньше будет бандитов – тем лучше. А во-вторых, чем быстрее «повстанцы», как еще себя они называли, расправятся с динамиками, тем быстрее кончится эта звуковая пытка. Никто из моряков не тешил себя надеждой, что хоть в одной черной башке родится мысль нажать на кнопку блокировки сигнала.

Конечно, топлива для генераторов было достаточно, чтобы пару месяцев спокойно стоять, не испытывая неудобств. Но эту соляру нужно было периодически подкачивать в расходный танк, а этим делом никто из привилегированной расы себя обременять не хотел. Совсем скоро обсохнет и резерв аварийника, включатся аккумуляторные батареи, по мере разрядки которых все тусклеет будут гореть лампочки.

И настанет день, когда все судно погрузится во тьму и мертвую тишину. Каждый из членов экипажа понимал неминуемость такого финала, за исключением, пожалуй, старшего механика Бааса и капитана Номенсена, и тайно желал при этом поприсутствовать. Пропустить это зрелище можно было по причине смерти или ... Но в помощь государств и компании – работодателя никто, увы, не верил.

В румпельном отделении было не очень жарко, несмотря на отсутствие кондиционера и африканскую жару снаружи. Со скуки можно было покрутить рулем в разные стороны, включив рулевую машину в ручном режиме.

Для удобств имелся небольшой сточный колодец, куда скапливались протечки забортной воды, буде такие случались. Экипаж же в сложившихся условиях использовал этот резервуар преимущественно в целях туалета. Чтобы обезопасить себя от неизбежного запаха, поверх набросали фанерных щитов, которые можно было в случае надобности без лишних усилий сдвинуть в сторону. Капитан почему-то, позабыв про стеснение, любил довольно часто воссесть на орлом. Хотя, в его исполнении это больше напоминало жабу.

Пресную воду тоже можно было добывать из замерных труб питьевых танков. Они были почти полные, поэтому любой, даже самый престарелый член экипажа мог легко всосать воды через шланг, засунутый в трубу.

Также в румпельном традиционно находились запасы судовой протирачной ветоши. Все, не только раненный палубный кадет и здорово помятый второй механик, валялись на мягких

ложах, как в гнездах. А капитан, обладая примитивной голландской фантазией, старательно использовал эту ветошь по ее прямому назначению.

Можно было жить, но не очень долго. Говорят, без пищи есть шанс протянуть больше месяца. Можно, конечно, отбросить предрассудки и слопать без соли и хлеба кого-нибудь бесполезного. Но это будет, во-первых, невкусно. Даже мясо старых коров прогрессивная часть человечества старается реже употреблять в пищу. А, во-вторых, возникнет реальная вероятность отравиться и умереть. Угроза каннибализма была призрачной в тесном кругу экипажа. Ее скорее можно было ожидать от странных негров, обвешанных оружием. Некоторые из них имели какие-то, словно подпиленные, острые треугольные зубы.

Экипаж тоскливо молчал. Так продолжалось еще сутки. Потом наступило веселье.

Нет, конечно, никто не сошел с ума. Но люди начали действовать. И первое, что сделали они – набили рожу капитану.

Капитан

Капитан Вилфрид Номенсен был капитаном, пожалуй, со времен святой инквизиции. В памяти у него не отразился период, ни когда он был матросом, ни третьим и вторым штурманами, ни старпомом, наконец. Во всех своих воспоминаниях он был уже мастером. А поговорить о былых временах он очень любил. Каждый обед, откушав красного вина из выставленной перед ним персональной бутылки, он начинал портить аппетит окружающим: деду, второму механику, старпому. Второй штурман по своим вахтенным обязанностям обедал за полчаса до основного состава, поэтому к приходу Номенсена уже удирал на мостик. Он лишался возможности услышать эпопеи, где, как и за что тот списывал народ с борта.

«Нема», как его звал русскоязычный народ, пускал пузыри в бокал с вином и ронял на белоснежную скатерть то, что некоторые далекие от флота люди принимали за слезы. Вполне возможно, если допустить, что слезные железы у капитана располагались где-то в глубине волосяных ноздрей. За толстыми стеклами громадных, в пол-лица, очков виднелись размытые бесцветные глазища. Крючковатый, весь в красных прожилках, тонкий нос казался элементом его окуляров. Синие губы и малюсенький подбородок, пучок седых волос где-то за макушкой, мохнатые уши – вот он, настоящий морской волк.

Ходил Нема очень медленно на всегда полусогнутых ногах. Неизменные джинсы провисали на том месте, где у нормальных людей располагался зад. От этого всегда создавалось впечатление, что капитан ходит с полными штанами.

Родился он в городе Альтгартене через девять месяцев после того знаменитого авианалета союзников 1943 года. Английские бомберы тогда немного ошиблись в выборе цели и стерли с лица земли маленький, ничем не примечательный для военных целей голландский городок. Оставшиеся в живых жители во время несмолкающего грохота разрывов тяжелых бомб от страха занимались, чем ни попадя. Кто выл на затянутую тучами луну, кто прятал по карманам фамильное серебро, даже если фамилия у него была другая. Родители Вилфрида, к примеру, самым решительным образом размножились. Как впоследствии оказалось, довольно успешно.

На фотографии, которую вывешивал в офицерском месс-руме страдающий манией величия в особо тяжелой форме Нема, был запечатлен он в обнимку с удивленно хмурающимся Туром Хейердалом. Правда, там капитан выглядел несколько моложе, если судить по старомодному покрою одежды. А в остальном – настолько неподвластный времени, что можно было сделать вывод: в таких же толстых очках, с такой же, воспетой Диккенсом в «Оливере Твисте» физиономией он и лежал, завернутый в пеленки, в люльке посреди развалин Альтгартена.

Как и полагается примерному голландскому подданному, он женился на девушке, соблазнив ее величиной капитанской фуражки. В те далекие годы еще не модно было жениться на мужчинах, поэтому Вилфрид не раскрылся, как личность, до конца. Жена же, покривлявшись несколько лет, вела свое хозяйство с одной половины дома в городишке Винсчоттен, Нема

– с другой. Друзьями они не были, но друг друга не убивали. Блеск кокарды мастера постепенно потух и не производил никакого впечатления на земляков, тем более что по соседству разместилась сначала одна суринамская семья, потом их стало так много, что Нема начинало казаться, будто он волшебным образом попал в Африку. Черные, как сволочи, суринамцы называли себя настоящими голландцами и вели себя очень буйно. Один поселился даже за стенкой, и от этого жена капитана иногда визжала, как поросся.

Номенсен, воспитанный в духе законопослушания, звонил в полицию и сообщал, что «черные голландцы» ведут себя неправильно. Приезжали полицейские, которых Нема сначала принял за переодетых соседей, крутили носами, били капитана дубинкой по коленям и благодарили за бдительность. Просили, в случае чего, снова звонить, не стесняясь. И ведь звонил! Получал дубинкой, морщился от боли, хромал некоторое время – и снова к телефону.

В перерывах между визитами полицейских Нема ездил на парокходах. Капитанил, конечно же. Здесь, на судне, его никто не то, что ударить, даже слово поперек сказать не мог. Русских тогда еще не брали. Офицеры, все голландцы, не утруждали себя работой. Пили пиво и сквернословили. Черновую работу выполняли неприхотливые филиппинцы, которые на уровне памяти предков помнили, что хозяева – это голландские колонизаторы. Так было со времен почившего в желудках капитана Кука. Серьезные проблемы решались сервисными бригадами. Но скоро все нидерландские граждане стали капитанами, либо старшими механиками. Всякие там старпомы, вторые штурмана, вторые механики и попросту младшие офицеры постепенно вымерли, как класс. Сманить к себе на работу немцев и англичан было непросто – у тех тоже дураков, работающих в море становилось все меньше и меньше.

Нема шлифовал свой твердый характер на филиппинцах. Те тоже иногда не выдерживали и бросались в открытое море, не надев спасательный жилет. Некоторые убегали на берег, выбирая страну побогаче: США там, или подвернувшийся Берег Слоновой Кости.

В один из приходов домой полицейские отработали обязательную программу как-то быстро и от этого жестче, чем бывало. Может быть, они просто куда-то торопились, а, может, это были новички. По важным черным лицам в одинаковой униформе и не определить – все, как однойцевые близнецы мамы – Африки. Покряхтел Нема и поехал в ближайшую аптеку, где и встретил свою вторую половину, соратника и родственную душу. Нет, это не был мужчина с гордым профилем, еще немного не хватало времени до восславления однополый любви. Роза, с просвечивающей сквозь розовые волосики кожей головы, в это время пила кровь своих одуревших от ее визга работниц. Она была собственницей этой аптеки.

Нема испытал теплое чувство в душе, помягчел очками и получил от прекрасного создания пластмассовую баночку с виагрой. С тех пор Роза на правах друга приглашалась на борт лайнеров, где Номенсен верховодил. Стала, так сказать, полноправным членом экипажа.

А тут случилась брешь в странах Варшавского договора, и алчущие капитализма поляки хлынули зарабатывать свой доллар на голландский обескровленный флот. Нема воодушевился: пытать бледнолицых было интересней. К тому времени в компаниях под нидерландским флагом он приобрел авторитет – капитаны тоже не размножались, поэтому их берегли.

Роза проводила с Немой почти месяц из его двухмесячных контрактов. Любимым развлечением дорогого капитанского человека было окунать свои пальцы в тарелки с супом соседствующих за обеденным столом офицеров. Запихнув свой, усеянный кольцами обрубок прямо в суп, она игривым голосом спрашивала:

– Это вы едите?

Нет, это уже никто есть не мог. А мастер со своей пассивностью хохотали, довольные.

Народ пробовал разогреть свои первые блюда до состояния кипения, но палец аптекарши был стойким к воздействию высоких температур.

Поляков меняли хорваты, а один из них, старпом по профессии, получив в свое кушанье чужой палец, неизвестно где и у кого до этих пор ковырявшийся, посмотрел на свой опоганенный суп, мрачно и смачно плюнул в свою тарелку и ответил:

– Только, если я в него плюю. Так вкуснее. Хотите – и вам плюну?

Роза замерла с открытым ртом, успев испугаться глазами. Развалившийся на стуле Нема никак не успел отреагировать, а старпом плюнул во второй раз. На сей раз в соседнюю тарелку, где как раз полоскала свою ложку голландская дама.

Смеха не получилось, получился визг и перевернутый стол. Роза визжала, как резаная, Нема от неожиданности не удержался на установленном на двух задних ножках стуле и упал на спину, успев за скатерть перевернуть на себя все богатство и изобилие закусок.

Вечером капитан потребовал старпому сдать обратно те деньги, что он давеча получил в аванс, потом отбил в контору телеграмму, что хорват сдал в судовую кассу фальшивые доллары. На следующий день старпом полетел домой – компания ни в коей мере не сомневалась в честности одного из своих самых уважаемых капитанов. Так как восстановление своего доброго имени могло затянуться на неопределенный срок, хорват на прощание оставил мастеру пожарный топор в воткнутом в номенсовскую дверь состоянии. Скорее всего, карьера на флоте для него, балканского воина, закончилась.

Наступило время, когда и поляки в низших чинах перевелись, хорваты вообще закончились: то ли их всех поубивали на войне, то ли они стали футболистами. На голландский флот начали просачиваться русские и хохлы. Судно Номенсена стало на линию Петербург – Роттердам. Россия начала стремительно избавляться от своего алюминия в чушках. Нема руководил вывозом на отдельно взятом пароходе. Роза старалась не отстать от своего кумира.

За обедом он кричал:

– Повар, мне к мясу положить только одну картофелину!

Унылый отщепенец почившего Балтийского Морского пароходства приносил заказ и не успевал улизнуть обратно на камбуз, как капитан начинал верещать:

– Я просил принести одну картофелину!

– Извините, я и принес одну, как вы просили, – мямлил, путаясь в английских словах, бедный потерянный кок.

– Это, болван, пол картофелины, а не целая! – распаялся, под восхищенным взглядом своей боевой подруги, Нема.

Действительно, на тарелке, красиво и даже вычурно украшенной всякими салатами, петрушками и помидорами, была половинка целой картошки. Но она была одна.

– Я сейчас исправлюсь, – лепетал повар, но капитан уже, не глядя, швырял тарелку за плечо. Она охотно, словно подыгрывая голландцу, разбивалась на миллион маленьких осколков.

Пунцовый, как рак, русский повар возраста сорока пяти лет, приносил новое блюдо, где покоились две половинки злосчастной картошки. Нема торжествующе оглядывал побелевших русских и злорадно ухмыляющихся украинцев и принимался за еду. Потом они с радостной Розой медленно и значительно выходили из-за стола. На тарелке оставалась лежать нетронутой половинка того, из-за чего и был весь этот сыр-бор – картофеля.

Уж каким неизвестным никому образом, но к своей капитанской должности Номенсен добавил портфель того, кто берет, так называемое, интервью в некоторых круинговых агентствах. Рядом с Главными воротами Морского Торгового порта в бывшем (а, может быть, существующем) управлении Балтийского Морского пароходства разместилась фирмочка, отсылающая удрученных безработицей моряков на суда под разные, в том числе и сомнительные, флаги. Нема раз в две недели приходил, устраивался в отдельном кабинете и в строгой очередности выслушивал истории про богатый морской опыт соискателей. Это было замечательно до

дрожи в старческих коленках: не вставая с кресла можно было решать судьбы русских безработных моряков.

Голландец не интересовался правильным произношением английского языка, его абсолютно не волновал богатый послужной список и опыт, он следил за глазами и манерой поведения. Если человек умел смотреть преданно, как некормленная собака, мелко-мелко кивать головой и ежесекундно вставлять слово «сэр», то у него появлялся шанс получить рекомендацию к работе, то есть интервью было позитивным.

За такую непыльную работу по три часа в две недели он получал настолько хорошее жалованье, что каждый приход в Питер становился просто праздником. Обратное на судно он возвращался с таким видом, будто только что в одночасье принял тяжелые роды у дюжины рожениц. Своим хихиканьем они с Розой пугали вахтенных матросов у трапа, которые понимали, что сейчас, в этот самый момент, рождаются такие интриги, что Дюма-сын позавидовал бы Дюма-отцу, а тот, в свою очередь, восхитился бы утонченной работе двух выдающихся умов.

Приехавшая в гости к мужу, двухметровому второму механику из Архангельска, жена, нечаянно встретившись в первый же час своего пребывания с капитаном, прошептала поздним вечером:

– Он похож на Гитлера.

– Если ты имеешь в виду извращенность Адольфа Алоизовича пылать страстью к женщине лишь только тогда, когда та мочится ему на голову и при этом обзывается нецензурно – то вполне может быть, – архангел был начитанным парнем, даже несмотря на свою репутацию одумавшегося бандита.

– Дурак, – сказала ему жена.

И тут же, через пару секунд, раздался телефонный звонок судового аппарата.

Второй механик не сразу понял, что ему звонит сама Роза и предлагает от имени капитана прекрасную пустующую гостевую каюту, где есть телевизор и ДиВиДи с караоке.

– Чтобы вашей супруге понравилось на борту нашего судна, – добавила та и повесила трубку.

Архангел передал разговор своей жене, с минуту подумал, а потом махнул рукой:

– Да ну ее в баню, эту каюту. Нам и здесь хорошо.

Прошло две недели и при очередном подходе к Питеру, он вдруг получает уведомление, что кампания не нуждается больше в его услугах. Какая незадача! Причина не известна никому, даже верхней капитанской шестерке – хохлятскому боцману.

– В чем дело! – спрашивает второй механик у самого Немы.

– Ты оставил гостевую каюту в разгромленном состоянии! – настолько искренне возмутился голландец, что архангел подумал: «Может, я чего-то забыл?»

– К вам хотели отнестись с душой, – распаялся, брызгая слюной, капитан. – А вы с женой порвали простыни, испортили караоке, залили водкой весь ковер! Прямо, как свиньи!

Из-за двери капитанской каюты выглянула довольная Роза. Она не улыбалась, но просто вся светилась от удовольствия.

– Понятно! – сказал второй механик и пошел собирать вещи.

С дорожной сумкой вошел он в управление БМП, занял очередь на интервью и, дождавшись, вошел. Нема, обрадовавшись встрече, уже предвкушал свое резюме, но архангел тихо сказал:

– Вот зашел попрощаться.

И протянул свою ручищу через стол. Номенсен, не вставая, подал свою. Второй механик сжал вялую старческую ладошку, встряхнул ее и ушел, торопясь на Московский вокзал к шестичасовому поезду.

Капитан вернулся на судно позднее обычного. Рука, сломанная в четырех местах, покоилась в гипсе, потом заживала долго и мучила тянущей болью. Все деньги, с такой легко-

стью заработанные на интервью, ушли на лечение. Больше с парохода в Питере он не выходил, правда, сумев отравить всем женатым русским заходы на Родину. С его подачи компания запретила ступать на борт русским женам, по причине «вороватости» их характеров. Но эта была запоздалая мера, потому что после того, как российский алюминиевый Челентано попал в тюрьму, металл на вывоз начал иссякать и судно убрали от России подальше.

Начались разные рейсы, в том числе и межконтинентальные. Роза все реже появлялась на борту, потом и вовсе куда-то делась. Русских и хохлятских матросов заменили более дешевые филиппинские коллеги. Двучинный боцман перед своим списанием спрашивал у каждого встречного: «Я ли не старался, из кожи вон лез!» Механики и штурмана, русские и украинцы в ответ брезгливо пожимали плечами: «Езжай, езжай отсюда. Чище воздух!»

Строго следуя проложенному курсу в штормовой Атлантике, Нема бодался с циклонами, считая преступлением, если ночью вахтенный штурман, объезжая пьяных рыбаков, делал дугу. За это летели в Одессу и Калининград удрученные мореплаватели, рассчитываясь за билеты из собственного кармана. А как же иначе, ведь контракт-то нарушен по вине члена экипажа – объясняла компания.

Но Номенсен скучал: филиппинских парней пытать было сложно. Они терпели до последнего, но если вставали на бунт – то уж все разом. Загадочный манильский профсоюз ни разу не сдал голландцам ни одного своего клиента. Оставалось только отыгрываться на трех хохлах и одном русском – почему-то такое соотношение было неизменным.

В некоторых городах: Рио – в Бразилии, Веракрузе – в Мексике, Нема свободными вечерами загадочно исчезал с парохода. Надевал капитанскую фуражку, запахивал, несмотря на любую жару, короткую кожаную куртку, прыгал в такси и растворялся в сумерках.

– На свой гей-парад отправился, скотина! – говорили механики.

Урки-филиппинцы загадочно улыбались, но тоже промеж себя обсуждали что-то в подобном роде.

Рейс Коломбо – Александрия оказался роковым. Несмотря на запреты, судно в один из прекрасных дней начало выписывать странные фортели, круто поворачивая то направо, то налево. Нема даже завизжал по-собачьи и затряс в воздухе шестидесятипятилетними кулачками, напугав урку-повара, как раз приносившего свою странную малосъедобную стряпню. Механики дружно слились в машинное отделение, заподозрив неладное. Старпом побледнел и взялся за телефон. Тщетно – второй штурман на звонки не реагировал. Старпом побледнел еще больше и сказал:

– Беда!

2

Когда поднялся со своего гнезда повар-урка Эфрен, никто на него не обратил внимания. Подумаешь, размяться решил, походить от борта к борту! Первое время он так и делал, бросая какие-то непонятные взгляды на возлежащего в своем ворохе тряпья капитана. Кстати, это ложе для Немы устроили урки по его слабому мановению руки.

Эфрен все ходил, теперь уже неотрывно глядя на голландца. Наконец, Номенсен обратил на это внимание:

– Что ты ходишь? Сесть быстро на свое место!

Повар словно ждал этих слов. Но к своему гнезду он не пошел. Наоборот, он вплотную приблизился к капитану. Тот по-собачьи наивно посмотрел на филиппинца снизу вверх, не выказывая ни страха, ни сомнения:

– Чего надо?

Эфрен весь как-то изменился в лице. Некоторым показалось, что он сейчас расплчется. Но урка сморщился и закрыл глаза, при этом начав издавать то ли визг, то ли стон на такой высокой ноте, что, казалось, голос его сейчас сломается, как плитка шоколада.

Ничуть не бывало: повар открыл глаза и неожиданно звучно отвесил две оплеухи Номенсену. У того очки вместе со вставной челюстью улетели куда-то к фанерным листам на туалете. Все открыли рот в изумлении. Снова повисла сочная тишина, и стало слышно, как стучат зубы у взбешенного филиппинца. Каждый подумал, что надо бы как-нибудь успокоить парня, кроме Немы. Тот заклекотал гневно и шепеляво:

– В тюрьму у меня пойдешь!

Эфрен вместо ответа пнул голландца в подбородок, так что он захлебнулся готовыми сорваться с языка угрозами. После чего повар неожиданно успокоился, шумно вздохнул и уселся на свое место. Нема же, напротив, вскочил и бросился к деду, словно за поддержкой:

– Ты видел? Это бунт! В тюрьму его!

– Ауф, шайзе! – почему-то по-немецки ответил Баас и отвернулся.

Тогда Нема бросился к запертой двери из румпельного отделения и забарабанил по ней кулаками, крича что-то вовсе уже нечленораздельное.

Неожиданно резво дверь распахнулась, словно только этого и ожидала. Тощий негр в дырявых трусах, но обвешанный пулеметными лентами на манер матроса Железняка, блестящий, как свеженачищенный черный ботинок, поднял Калашников и выпустил короткую очередь. Сразу же после этого наступила темнота и тишина, нарушаемая только слабыми всхлипываниями капитана. Дверь резко захлопнулась, и послышались удаляющиеся шаги.

– Во, дает! – восхитился второй штурман. – Прямо в плафон попал!

С кряхтением второй механик поднялся со своего места.

– Свет у кого-нибудь есть? – спросил он в темноту. – Фонарик или зажигалка?

Боцман зажег свой китайский Зиппо, вырвав из тьмы три руки: свою и две механика. Все, как замороженные, смотрели на колеблющийся язычок пламени. Внезапно вспыхнул и потух мертвенный люминесцентный свет.

– Чертовы китайские зажимы, – выругался механик, и свет зажегся, больше не пытаясь гаснуть. Негр метко разбил только плафон лампы, но капризный китайский светильник сам по себе загореться не мог – ему не хватало тепла человеческих рук и человеческого внимания. Впрочем, как любая техника поднебесной.

Пока боролись с темнотой как-то выпустили из внимания Нему. Тот уже восседал на своем рабочем месте, изображая жабу. Доколе суд да дело, выпавшие челюсть и очки чудесным образом провалились под фанерные листы, пришлось капитану их вытаскивать из им же множимых нечистот. С успехом вновь обретя глаза и зубы, а также выполнив свой долг, мастер тихо, как мышка, просочился к себе в гнездо. Дураком он не был, поэтому решил пока не предъявлять никому свои претензии. Нужно было переждать.

Но, как оказалось, это было делом непростым. Хоть переволновавшийся Эфрен, словно освободившись от груза, покойно заснул на своем месте, плотина оказалась открытой.

Сначала один урка подбежал к Неме и, украдкой посмотрев по сторонам, пнул того по голени, потом другой отвесил удачную оплеуху. Вскоре из желающих поквитаться за месяцы унижения филиппинцев выстроилась очередь. Ударив капитана, взволнованный ситуацией моряк не спешил усесться, а вновь вставал за последним из желающих почесать свои кулаки.

Номенсен молча и достойно сносил побои: руками он старался укрыть голову, но не делал попыток дать сдачу, либо попытаться скрыться. Наконец, со своего места поднялся старпом Пашка и решительно произнес:

– Хорош.

Постоял немного перед урками и добавил:

– Побаловались – и хватит.

Говорил он на русском, но филиппинцы прекрасно разобрались в смысле: подрагивая кожей, как лошади, они разбрелись по своим углам.

Старпом

Пашка был из тех людей, которые старались жить, плывя по течению, предпочитая, чтобы какие-то решения за него принимали другие люди. В школе – мама, после школы – папа, в армии – командир отделения, после службы – дядя, в ОВИМУ (Одесском высшем инженерном морском училище) – старшина, на работе – капитан, дома – жена. Так было легко и комфортно.

Сейчас, прислушиваясь к далеким судовым шумам, еле пробивающимся через плотно закрытую дверь и толщу воды за переборкой, он ощущал сомнения в своих поступках. Мысль, что можно было, поднапрягшись, справиться с двумя-тремя ворвавшимися на мостик оборванцами с автоматами, грызла его и не давала покоя. Их-то и было всего парочка и еще один, какой-то одорукий инвалид, уверенных в своем всесии, вошедших походками рэперов на мостик, в то время, как остальные бандиты только начинали бегать, как тараканы, по судну. Может, надо было валить этих гадов, а потом попробовать разобраться с другими? Пашка потел и мучился: сидеть в плену очень не хотелось.

Когда-то миллион лет назад он учился в советской школе, получая от этого радость. В тихом северном городке вблизи Ладоги про террористов узнавали только из программы «Время», милиционеров было мало, и величали их «дядями»: «Дядя Олег, вы всех преступников изловили?», или: «Дядя Юра! Не пишите в школу, что Андрюшка пьяным уснул в кустах». Интересно, поверит этому кто-нибудь? Во всяком случае, те, кому ломали ребра и выносили зубы во время милицейского воздействия – вряд ли. Впрочем, просто в те годы обращали внимание только на радость, она и запомнилась.

Мама кормила, поила, одевала, давала деньги на карманные расходы, понуждала учить уроки. Папа заставлял заниматься спортом. Бабушка просто души не чаяла и баловала в меру своих невеликих возможностей. В школе приятно было быть на первых ролях: не из-за великих способностей к учебе, а просто так. Командовал классом во всех военизированных играх, участвовал и побеждал на всяческих спортивных соревнованиях, слыл хорошистом. Сверстники и более взрослые ребята уважали, девчонки проявляли внимание, учителя не придирались. Вместо положенной клички именовали уважительно «Паля». Из трех доступных в то время спортивных секций, не раздумывая, записался в велосипедную. В лыжную идти было скучно, в футбол как-то не тянуло. Но зато, на выпускной вечер в школе на лацкан пиджака можно было прикрепить значок «Кандидат в мастера спорта».

На семейном совете решили, что раз уж теперь всех гребут в армию поголовно, хоть ты студент, хоть празднующийся, то надо успеть получить рабочую специальность, причем здесь же, дома. А весной добрый знакомый из военкомата пристроит в хитрый призыв в морскую пехоту. Не рисковать же вероятностью угораздить в Афган! Паля пошел учиться в соседствующую с домом «хобзайку», то есть ПТУ с простым порядковым номером.

Учился быть слесарем, трактористом и еще кем-то, о ком теперь даже подзабыл. С велосипедным спортом завязал, потому что для дальнейшего роста требовалось переезжать в Питер, либо в Москву, чтобы там рубиться изо всех сил со своими одаренными и целеустремленными сверстниками. Но этого делать было нельзя – добрый знакомый не имел никаких шансов устроиться на работу в столичные военкоматы. С энтузиазмом заиграл в баскетбол, даже заимел на голову специальную резиновую полосу, в каких он видел, уважают играть заокеанские чернокожие парни из ЭнБиЭй.

Однако не удалось добиться желаемого: как бы он ни трудился с утяжелениями, как бы ни осваивал методику прыжка, положить мяч сверху не получалось. Было удивительно, 160 сантиметровой Магси Боукс непринужденно взмывал над паркетом и клал мяч в корзину, успевая прокрутить 180 градусов. Паля со своими 180 сантиметрами морщился и тренировался, но тщетно. Подсказать-то было некому, кругом такие же самоучки, как и он сам.

– А ты попробуй дымом набраться, – сказал как-то Вакада, хобзайский авторитет, позднее увлекшийся судьбой Ленина, как он любил говорить, полжизни просидевшего в тюрьмах. Правда, жизненный путь у «верного ленинца» оборвался где-то в районе тридцати лет. Может,

при царе условия существования в тюрьмах были не так резковаты для здоровья, а, может, люди были крепче телом и духом?

– Дым-то он легкости дает, – то ли всерьез, то ли в шутку продолжил Вакада.

Паля закурил, и это дело пришлось ему вполне по душе. В баскетбол он по-прежнему активно стучал, но после игры любил вкусить «кислородной палочки». О том, чтобы научиться прыгать, как Магси, как-то позабыл.

На местной дискотеке он сделался поставщиком всякой модной музыки, чуть ли не дискжокеем. Музыка шла от родственника – мажора из Петрозаводска. Вот только сказать в микрофон пару-другую слов для толпы, в большей своей степени подогретой алкоголем, Паля не мог. Репетировал, старался смотреть поверх болтающихся по залу людей, настраивался, брал в руки «громкоговоритель» и замолкал, не в силах выдать ни звука.

– Ты вина хлопни, а лучше – водки, – сказал былой дискжокеей, а в то время уже просто армейский отпускник далекого ЗаБВО (Забайкальского военного округа) Лыч. – Только не переусердствуй. Хотя, – он махнул рукой, – им же по барабану, что ты несешь.

Алкоголь был по талонам, да и то только для взрослых. Но в городе нашлись курьеры, которые за некоторое вознаграждение гоняли в соседнюю область, где вино-водка лилась безлимитной рекой. Паля начал пить с коньяка.

Бутылка на четверых перед дискотекой взбодрила, солнце Армении бурлило в крови, удалось непринужденно пролаять в подвернувшийся микрофон:

– Добрый день. Мы начнем с Robin Gibb "Juliet".

Едва положив микрофон, Паля начал смеяться. Все свои слова ему показались смешными.

– Уже вечер! Уже ночь! – проорали в ответ чьи-то пьяные голоса, но их заглушил нечаянный Кинчев: «Вдруг, я вижу, кто-то движется мне навстречу, но я никак не разберу, кто он!»

Пале стало еще смешнее.

Жизнь совсем наладилась: хобзайка – спортзал – сигареты – субботний алкоголь – постоянная подружка. Но армия не дремала. Она обрушилась неожиданно, как и положено ей.

Проводов не получилось. Был вечерний звонок от хорошего знакомого, а утром Паля уже, торопливо подписавшись под повесткой, стоял на сборном пункте. Морская пехота Северного флота получила нового воина.

Курс молодого бойца, учебка были тягостны, но рядом мучились такие же парни, как и он, поэтому трудность была лишь одна – физическая. В войсках будет сложнее, там добавится моральное испытание. Очень хотелось домой, к маме, папе, сестренке и бабушке. Однако, спустя какие-то два года с небольшим, Пашка, дембельнувшись, улетит в Одессу, даже не посетив родных мест: папа скажет, что нужно по-скорому, пока есть такая возможность, сдавать документы на судоводительский факультет ОВИМУ.

Уже гораздо позднее, когда он случайно прочитал рассказ А. М. Покровского про антидиверсионные учения флота, он посмеялся: будто про него написано.

Их отделение изображало врагов, готовящих чудовищные преступления против нашего социалистического отечества. Выдвинулись они в сопки, замаскировались и принялись ждать, когда их придут обнаруживать и устранять.

Но матросы, старшины и мичманы под руководством офицеров не торопились. По тревоге подняли кубрики, выехали в район вероятной высадки вражеского десанта. На КПП слезли офицеры, строго наказав «сундукам» – мичманам, чтобы в случае чего сразу высылали за ними машины. На КПП тепло, опять же домой можно сгонять.

В заснеженных сопках машины остановились, матросы и старшины убежали в указанном направлении. «Сундуки» достали из необъятных карманов пойло, в разных пропорциях содержащее волшебный состав Це2-Аш5-ОАш и затянули обыденную мичманскую беседу, похожую на песню – речитатив. Замолкнет один – продолжит другой. А ритм задавала устойчивая связка

слов, неизменная у любого выступающего. Слушатели, дожидаясь своей очереди, кивали головами, временами хором повторяя эту магическую фразу. Получался настоящий мичманский рэп. И даже ударный грохот сдвигаемых алюминиевых кружек дополнял целостность военноморского фольклора. «Когда поют солдаты – тогда мальчишки спят».

Старшины и матросы в меру своих спортивных амбиций споро перепахали снежную целину за ближайшую сопку и там затаились. Волшебным образом появились дрова, целый вещмешок тушенки, котелок и одетый в зелень бутылки портвейн, количеством более пяти, но менее семи емкостей. Огонь, подпитанный соляжкой весело заплясал на дровах, младшие командиры и старослужащие расселись в своих бушлатах на заботливо подстеленные шинели. Рядом, не решаясь присесть, скучковались салабоны и несколько случайных, вовремя не отбитых земляками от этой акции, представителей Кавказа и Средней Азии.

– А ну, мать-перемать, резво в поля поскакали! – сказал самый старший старшина.

– И чтоб без диверсантов сюда ни ногой – урою, мать-перемать, – добавил самый старший дед.

– Я не понял – вы еще здесь, мать-перемать? – вставил свое слово самый начинающий старослужащий.

Молодежь и азиатские подростки уныло поползли по склону вверх, пыхтя от усилий и стараясь держаться поближе друг к другу.

– А ну рассредоточиться! Тыфу ты, не поймут же чурки нерусские. Разбрестись всем в разные стороны! – проорал им вслед старшина второй статьи из Молдавии, принимая кружку с портвешком. Этой репликой он очень удивил своих товарищей, поэтому выпил, сморщил нос, запахав его в свои усы, и только махнул рукой: бродите, как хотите.

А отделение Пашки уже заняло свои позиции, слившись с ландшафтом. Они сразу заметили кучку переваливающихся по снегу, как пингвинов, унылых матросов. Те бродили меж сопкок, словно демонстрируя, что такое есть Броуновское движение. Поисковики не задумывались, что таким вот образом можно забраться в неизведанные дали. Да они по большому счету вообще ни о чем не задумывались. Шли себе стадом, меняя направление движения, если, вдруг кто-то нечаянно делал шаг в сторону, словно боясь его потерять.

Поиски могли затянуться, командир отделения морпехов, сделал сигнал Пашке, как самому молодому и низкорослому среди них: обнаружить себя. Он так и поступил, залез на вершину сопки, сбросил с головы защитный капюшон и принялся ждать. Но матросы упорно не желали замечать диверсанта. Тогда Пашка достал банку консервов, вскрыл ее ножом, и принялся есть.

У молодых матросов очень хорошо развиты некоторые инстинкты, на которые в нормальной жизни они не обращают внимания. Перманентное чувство голода обострило обоняние до уровня росوماхи, чувствующей запах крови за одну целую и двадцать пять сотых километра. Запах смазки банки, красных волокон мяса и желеобразного жира манил к себе, как протухшая вода удрученного двухнедельным переходом по пустыне Сахара верблюда. Когда же Пашка рыгнул, салабоны восприняли это, как пеленг и, не поднимая голов, пошли строго по прямой.

Если бы случился над этим местом самолет – разведчик, то с его борта можно было бы различить посреди безбрежного нетронутого снежного простора причудливо протоптанные дорожке, по своим траекториям напоминающие пляшущую обезьяну плато Наска, но еще держащую в лапе идеально ровное копые.

Острые копыта уткнулось в невозмутимо доедающего последние, самые ароматные консервные производные Пашку.

– Ты чимо! – возмущился первый поднявший голову, кавказец.

– Сдавайся, сука! – добавил кто-то из Азии.

Вообще-то полагалось в таком вот случае палить в небо из ракетницы, обозначая этим местоположение искомого объекта. Но для безопасности личного состава оружие оставили

себе «сундуки» и, уже доведя себя до самого предновогоднего состояния, готовились палить в звезды, чтоб всем было весело. А также, чтоб народ посмотрел в темное мартовское небо и вспомнил, как они когда-то отмечали наступление 1989 года.

Пашка выбросил пустую банку, убрал в ножны штык-нож, и без размаха врезал кавказцу в подбородок. Тот не удивился и решительно упал в обморок. Азиаты почему-то завизжали и бросились в бой, как воины в пустыне: закрыв глаза и размахивая в разные стороны руками. Когда последний из них пал, то Пашка повернулся к смущенно замершим салабонам более европейской внешности.

– Вот я вас! – крикнул он, и те торопливо побежали прочь, на ходу причитая:

– Не надо, дяденька!

И в это время от машин мичманов взвились вверх сигнальные ракеты, сразу же на КПП сыграли аврал, и группы немедленного реагирования помчались обезвреживать отысканных диверсантов.

Командир отделения подошел к Пашке, сплюнул на снег и махнул рукой: уходим на базу.

Бывали, конечно, и вполне серьезные дела. К этому их, собственно говоря, и готовили. Изматываясь на тренировках и специальных занятиях, Пашка чувствовал себя, будто в полуобморочном состоянии. Все посторонние мысли куда-то улетучивались, он знал приказ и думал только о нем. Стоял на учениях в противодиверсантском карауле, предполагая, что именно на их участке будет прорыв. Впрочем, так же думали и все остальные морпехи, растянувшиеся цепью вдоль всей береговой линии. Когда же чуть позади и слева от него возникло какое-то движение, он крикнул соседнему бойцу:

– Покидаю сектор осмотра – у меня шевеление в тылу!

И только после быстрого ответа соседа: «Принял сектор!» отвел глаза на неведомый раздражитель.

Это была ложная цель. Похожим образом действует авиация и вертолеты, уходя от «стингеров» или, поди знай, чего. Диверсанты бесшумно с самой поверхности воды дунули в тыл к нему капсулу с мелкими пластинками слюды. Та, рассыпавшись в воздухе, переливалась так, что невозможно было не обратить на это дело внимания.

Не успел Пашка подумать об этом и проанализировать, как сосед забил из автомата. И сразу же в воду полетели гранаты. Не настоящие, конечно, но хлопнули они вполне различимо. На берег, не скрываясь, вышли условно мертвые противники. Они были слегка раздосадованы, но тут уж ничего не попишешь. Сверхсрочники – прошедшие на Балхаше подготовку парни не стали причитать и сокрушаться. Они принялись деловито осматривать берег и смотровые сектора, вполголоса переговариваясь между собой: делали из неудачи правильные выводы, чтобы в реальной ситуации не облажаться.

Пашке и соседу объявили отпуска, но вместо дома пришлось ехать в Москву, дабы участвовать в Параде на День Победы. Народу вокруг было много, и это очень напрягало: приходилось постоянно плавно перемещаться, чтобы не оставлять никого за спиной, в зоне нулевой видимости.

А после 9 мая пришлось участвовать в обмене опытом с «тюленями» из США, аббревиатура названия отряда боевых пловцов которых послужила этому названию. Проходили спарринги, после которых некоторые американцы только крутили пальцами у стриженных висков: наши бились только всерьез.

Очнувшись от службы Пашка только в самолете, на котором он вылетел из Мурманска в Одессу по случаю дембеля. Какие-то люди доставали с расспросами, предлагали выпить, но он сидел, уставившись в иллюминатор, и улыбался.

В ОВИМУ его зачислили почти без экзаменов, если считать за экзамен собеседование. Дядя, занимавший немалый пост в КГБ этого приморского города посодействовал. Да армейские характеристики и рекомендации поспособствовали.

Учился Пашка ни шатко, ни валко. Мозги здорово скрипели, когда приходилось морщить лоб в раздумьях. Но он дисциплинированно выполнял все задания, во всяком случае, старался выполнить. Слава богу, на втором курсе случилась любовь, а на третьем – свадьба. Родители жены оказались вполне обеспеченными, а жена обладала достаточными знаниями, чтобы помогать Пашке в учебе.

Полученный диплом можно было реализовать только на севере, Черноморское пароходство перестало принимать народ на работу, потихоньку начав распродавать суда. Так и вернулся Пашка домой, где поблизости, в Петрозаводске, удалось сдать трудовую книжку в Беломорско – Онежское пароходство. А там родственники с обеих сторон поднапряглись и купили им с женой и совсем маленьким сыном Пал Палычем отдельную двухкомнатную квартиру.

Пашка начал работать штурманом, угодив в семью моряков БОПа, которую можно было охарактеризовать несколькими словами: удаль, профессионализм, веселье, предприимчивость и алкоголь. Это было незабываемое время.

Несмотря на не самые высокие зарплаты, народ не унывал сам и не давал унывать никому. Пашка вновь увлекся «кислородными палочками», закуривая после стаканчика – другого разбавленного спирта, стратегические запасы которого всегда пополнялись в Бельгии, Голландии или, на худой конец, в Германии. Неожиданно он заметил, что начал расти живот. Волосы же на голове, наоборот, не росли, а как-то пугающе редели. Может быть, конечно, они проходили насквозь и прорастали в ноздри, что при отсутствии усов бросалось в глаза, но Пашку это удручало. Он начал каждую вахту в рубке отжиматься от палубы. «Не менее двухсот раз!» – крикнул он своему характеру. Но рубка редко бывает пустынна: обязательно на судне найдется человек, который решит посетить смотровой штандарт судна.

Отжимается Пашка себе под локатором, приближаясь к двадцати разам, а в это время высунется в дверь чья-нибудь физиономия, покрутит жалом и, не увидев ни одной живой души, испуганно протянет:

– Паха!

– Чего тебе, пришелец? – поднимется штурман на ноги, прервав гимнастический процесс.

– Оба-на! – удивится посетитель. – А кто у тебя там? Вроде повариха на камбузе кипит вместе с компотом.

– Да это я так, зарядкой занимаюсь, – ответит Пашка.

– А! Ну давай, продолжай.

И исчезнет за дверью. Чего приходил?

Пашка вновь наклоняется к палубе и продолжает дальше считать: «Двадцать один, двадцать два... тридцать пять», но тут уже вроде точку надо на карте ставить и определяться в море. Так и набиралось двести отжиманий за три, а то и четыре дня. Но живот, словно испугавшись, расти перестал.

Вот волосы испугать не удалось. Кудри вылезали незаметно, но постоянно. Самые короткие стрижки не спасали. И Пашка постригся наголо. Внешность не сильно изменилась. Разве что случайные знакомые отмечали (про себя) сходство этого крепкого парня с гориллой или давно вымершей человекообразной обезьяной: маленькие глубоко посаженные глаза, нос с широко раздутыми ноздрями, мощные надбровные дуги и низкий лоб. Пашка несколько комплексовал по утраченной шевелюре, отчего приобрел привычку периодически оглаживать свой бритый череп, словно при этом проверяя: не растут ли волосики на головке детской?

Выпивка теперь стала даваться Пашке нелегко: даже не самая большая доза алкоголя могла стереть на следующий день все воспоминания былого праздника. Он не буянил, не лез драться и не приставал ни к кому с душевными разговорами. Улыбался и смеялся вместе со всеми, пытался говорить, когда ему разрешали, но, зачастую, давился своими словами и просто размахивал толстыми мускулистыми руками, переходя на непонятный никому язык жестов.

А наутро ему добрые друзья рассказывали, скольких он человек завалил и как залез спать в шкаф к поварихе.

Пашка только смущенно улыбался в ответ и очень надеялся, что все это неправда, но в глубине души отчаянно трус: правда, правда, боже, какой ужас.

Однажды, когда их судно оказалось сырой мартовской порой в некоем южном городе Азове все его страхи воплотились в кошмар. Они с коллективом дружно выпили по случаю достойного возвращения в Россию и по вахтовой очередности намерились сходить в город. Развеяться, так сказать, позвонить домой. Таким вот предлогом оправдывали себя все русские моряки, даже если у них дома никогда не было телефонов.

Пашка тоже сходил позвонить: выпил холодного пива в одной из местных грязных забегаловок, купил на оставшиеся деньги две бутылки водки, запихал их в рукава и пошел обратно на пароход. Позвонил, так сказать. В те времена власть, сидящая на портовых проходных, из кожи вон вылезала, чтобы поиметь с моряков мзду за спокойное шествие мимо них, работяг сердешных. Особенно зверствовали будущие хохлы, юг России и, конечно же, столичный Санкт-Петербург. В долю к ним шли пасущиеся поблизости менты.

Ну, а в Азове отделение милиции располагалось в соседнем здании с проходной порта. Тут уж, как говорится, иллюзии должны быть излишни.

Но Пашка о ту пору прошел без проблем. Бдительная стража решила, видимо, не связываться с ходячим свидетельством происхождения человека по некоторым учениям. Может быть, конечно, была другая, более веская причина: пересменка, к примеру. Об этом никто уже не узнает, потому что к тому времени морпеха в отставке уже накрыло.

Утром, залив свитер и джинсы изрядным количеством одеколona, Пашка вышел на вахту. Судно ни шатко, ни валко загружалось, накапывал веселый для лягух и головастиков дождь. Словом, все располагало, чтобы случилось похмелье. Молодой и нервный капитан хмуро и злобно осмотрел своего вахтенного штурмана и был таков: ушел в каюту к валидолу и валокардину. Такое за капитаном замечалось очень часто. Просто он изрядно переживал свое раннее капитанство и бодро стремился к инфаркту.

Пашка вытащил из заначки сигарету, затянулся и пригорюнился: голова раскалывалась на части, хотелось даже временами куда-нибудь поплевать. Тут в рубке случился матрос, по совместительству радист Боря.

– Может, пару капель? – спросил он, поводя носом и поблескивая красными глазами.

Штурман только безнадежно махнул рукой: его водку вчера кто-то выжрал. Вполне возможно, что именно этот Боря.

– Не грусти, Паха! У меня есть все, чтобы поправить нам здоровье, – сказал он надтреснутым голосом. Взял трубку судового телефона и позвонил куда-то.

– Иваныч! – проклекотал он в трубку. – Приноси! Зови Лешу и Люську. Аркаша уже в своем амбулатории.

Аркаша – это капитан. Иваныч был боцманом, Люська – поваром, а Леша, стало быть, всего лишь третьим штурманом.

Иваныч рукой, когтистой, ввиду постоянной нехватки витаминов, или, может быть, по какой другой причине, выудил из непрозрачного пакета семьсот пятидесяти миллилитровую бутылку водки Абсолют.

– Все равно домой не довезу! – решил он оправдаться перед сотоварищами.

Люся выложила поднос с огурцами, помидорами, ветчиной, луком, солью и оливками.

Первым резко выпил, едва успев чокнуться пластиковым стаканом, троллеобразный Леша ста двадцати килограммов убойного веса и со значком за миллион прыжков с парашютом.

– Может, все-таки, повезешь? – спросил он и захрустел огурцами, помидорами, ветчиной, луком, солью и оливками. На подносе сразу стало пусто.

– У, мамонт, – выпив и поперхнувшись, сказал боцман.

Пашка влил в себя сорокаградусную жидкость и его сразу отпустило. На лбу выступил предательский пот, привкус жеванной использованной туалетной бумаги растворился, как сахар в кипятке.

– Чего заулыбался? – сразу отреагировал Боря. – Вообще-то, теперь можно. Только, Паха, больше себя так никогда не веди, как вчера. Мы еле договорились с ментами.

– Точно! – кивнул головой Леша. – Тебе здесь лучше с борта вообще не сходить. Здорово ты разобидел этих уродов.

– И каких денег они требовали! – добавил Иваныч. – Сто пятьдесят два доллара! Да я лучше наждак зубами остановлю!

Люся передернулась, представляя скрип зубов по абразиву:

– Да ладно вам глупости говорить!

Снова выпили, поговорили, посмеялись. Жизнь понемногу налаживалась.

– Мою водку менты, что ли, отобрали? – спросил вдруг Пашка.

Народ переглянулся, недопонимая.

– А, твою водку, – протянул Леша. – Да нет, здесь ее выдули. Коллективом, так сказать. Ты вместо водки паспорт свой оставил. Заграничный.

– Точно, – закивал головой боцман. – Был у тебя когда-нибудь ОВИРовский заграничный паспорт?

– Да вроде бы – нет, – покачал головой Пашка.

– Ну и нечего привыкать, – вставила реплику повариха, и все рассмеялись.

Водка всем подняла настроение. Захотелось еще выпить, или лечь поспать. За алкоголем в город бежать было лениво, поэтому все разошлись подремать.

Пашка, оставшись в одиночестве, проверил все свои документы – вроде все на месте: и дипломы, и паспорт моряка, и общегражданский паспорт. Он пожал плечами: чего хотели эти менты? Может, надо сходить извиниться? Как ни морщил штурман лоб, память не возвращалась. А вдруг он также забыл, что когда-то получил заграничный паспорт?

После вахты он сообщил сменщику, что отправится ненадолго в города. Не получив запрета, собрался и заспешил сквозь мерзость и сырость к проходной.

Там на него подозрительно и очень недружелюбно посмотрел стражник, но ничего не сказал. Впрочем, так они смотрели на всех.

Сразу с проходной Пашка вошел в негостеприимно распахнутые двери отделения милиции.

– Что надо? – по-милиейски, вежливо осведомился дежурный старлей.

– Извините, вы тут вчера не находили заграничного паспорта? – поинтересовался Пашка и понял, что сказал глупость.

– Явился! А мы уж заждались! – взревел, появившись откуда-то сбоку красномордый старший сержант. – А то в розыск хотели подавать!

– Извините! – совсем смутился штурман. Чего это получается? Был у него, стало быть, этот заграничный паспорт?

– Да нет! – наседавал красномордый. – Здесь тебе не детский сад! Здесь людей в тюрьму определяют! Мне твои извинения, как туалетная бумага дистрофику. Понял?

Пашка согласно кивнул головой, хотя ровным счетом не понимал ничего.

– Извините, – еще раз повторил он.

– Так помоги нам тебя извинить! – промычал из своего окошка старлей и, вдруг, едва заметно подмигнул сержанту.

Пашка увидел этот условный знак, но не очень понял, что бы это значило. Однако остатков сообразительности хватило на то, чтобы решить двинуть на выход.

– Стоять! – взвыл красномордый и волшебным образом оказался рядом. Штурман замешкался, и этого времени хватило на то, чтобы из дежурки выдвинулся старший лейтенант. Он демонстративно расстегнул кобуру. Сержант поигрывал в руках дубинкой. Больше народу не набежало, несмотря на дикие крики милиционеров. Может быть, по причине выходного дня?

– Да вы что? – спросил Пашка. – Я же ничего не сделал.

– Вот в этом-то и вся проблема. Но мы готовы ее решить, скажем, за сто американских долларов. Или, лучше, за двести. Точно, Васильич? – ухмыльнулся красномордый.

– Вполне, – поджал губы старлей.

– Да бросьте вы, мужики! – сказал Пашка и тут же получил дубинкой по печени. Вернее, должен был получить.

Он инстинктивно ощутил угрозу удара и в один полушаг сократил дистанцию, продолжил движение руки красномордого, немного подправив траекторию, отчего рука у того стала скручиваться, как выжимаемое полотенце. Сержант как-то по-детски всхлипнул и выпустил дубинку из руки.

– Ах ты, сука! – возмутился старлей Васильич и потянул за рукоять пистолета.

Пашка без суеты ткнул двумя руками баюкающего свою конечность красномордого в грудь, тот разом выдохнул из груди весь воздух и сел на заплеванный пол. Васильич в это время успел достать свой «макаров» и даже направить ствол прямо в лицо штурмана. Но дальше произошло чудо: пистолет после резкого движения кистей Пашки повернулся на сто восемьдесят градусов и уперся дулом в лоб старлея. Васильич еще успел заметить, что предохранитель был снят, причем не им самим, поэтому легко и непринужденно обмочился в штаны.

Пашка, отступив на шаг, коротко ударил ногой под живот лейтенанту и вышел из помещения. В первую очередь носовым платком он вытер рукоять пистолета, потом дубинку, уронил все это в стоящую рядом плевательницу для окурков, полную талой воды, и пошел мимо проходной вдоль забора к реке.

Как он и предполагал, ограда доходила до самого среза берега. Последний столб помимо самой изгороди нес на себе еще и какие-то большие острые металлические звездочки. Они могли свободно вращаться вокруг своей оси, то есть этого столба, что, по мнению дизайнеров, должно было служить препятствием для проникновения в порт, пытаясь перешагнуть ограду сбоку, над водой.

Пашка вытащил ремень, обвил им опору изгороди между ржавыми звездочками, оттолкнулся ногами, словно прыгая вперед, и, не отпуская ремень, по дуге перелетел на другую сторону, портовую.

Уже на борту он размышлял, стоит ли звонить в Одессу дяде. Хоть тот к этому времени был в отставке, да, вдобавок, в другой стране, но связи-то никуда не делись. Но, прикинув варианты развития событий, решил не торопиться: у ментов на него ничего нет, на проходной выход его в город был нигде не зафиксирован. Так что, решил он, будем бороться с проблемами по мере их поступления.

Пашка совсем успокоился, даже посмеялся над собой, как он сдуру поверил парням. Потом вспомнил своего дядю и зауважал сам себя: с таким родственником просто так пропасть не дадут.

Дядя имел высокий чин в Одесском КГБ, но после всех государственных потрясений спокойно и с достоинством вышел в отставку. Приезжал он и в родные края, на север, ходил на рыбалку на Ладогу и лесные озера. Любил повторять, особенно выпив стаканчик – другой: «Что это такое: все, кому ни лень кричат о своей независимости? От кого независимости? От Советского Союза? Россия тоже теперь независима. Она-то что-то помалкивает. Те же хохлы, так их растак, до того упиваются своей вольницей, что во всех своих бедах винят бывшее могучее государство и почему-то нынешнюю Российскую Федерацию. А почему не какую-то Эстонию или Киргизию? Ведь те тоже были полноправные субъекты СССР? Еще великий анали-

тик Дроздов, не тот, который дядя Коля из «Мира животных», а ветеран-разведчик, в 79 году успешно перевернувший Афган, говорил, что если Эстония, либо Латвия говорит о недружественной политике по отношению к России – им можно верить. А вот если Украина говорит о дружбе с Россией – ей доверять нельзя».

Ночью судно ушло в рейс, обиженные менты с репрессиями на борту так и не появились. Пашка зарекся пить, но на рейде Алжира, когда все узнали, что в эту страну алкоголь частным порядком ввозить строго запрещено, а стоять на якоре в ожидании порта придется трое суток, общее настроение ничего не оставить врагу легко подхватилось и им самим.

В первую же ночь, когда судовой комитет по уничтожению спиртного тайно собрался на мостике, случилась обструкция: их в полном составе накрыл находящийся в предистерическом состоянии Аркаша.

Выпив тогда прежним составом изрядно под хорошую закуску вместе с поварихой Люськой, захотелось еще. Звезды горели ярко, месяц висел, как положено, на берегу орали цикады, не хватало только для полноты картины мусульманской жизни муэдзинского протяжного стона. Но те, видимо, пока еще спали.

Люська ушла спать, но источник алкоголя не иссяк. Закончились берега с вкусными и питательными закусками округ него. Для разухарившейся компании это был не повод прекращения своей деятельности. Запивали водичкой, заедали галетами из сухпая спасательного мотобота.

– Паша! – сказал Боря, делая головой слабые качающие движения, словно помогая своему взгляду сфокусироваться. – Ты, говорят, в морской пехоте служил?

– Было дело, – согласился штурман.

– А вот давай сейчас в спарринг с тобой встанем!

– Зачем?

Боря развел руками по сторонам, удивляясь этому недопониманию:

– Я с шести лет каратэ-кеокусинкай занимался.

– Молодец, – сказал Паша и запихал себе в рот сухую, как подошва, галетину.

– Точно! – обрадовался Леша. Как человек, имеющий за плечами двухгодичную воздушно-десантную подготовку, ему было бы любопытно посмотреть, как могут работать в паре сугубо гражданский Боря и морпеховский Паша. – Покажите, кто на что горазд.

– А я буду судья, – разливая по стаканчикам спиртное из бутылки без этикетки, вставил Иванныч.

– А Пров сказал: «Царю!» – сказал Пашка.

– Это как? – удивился каратист.

– Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо», – провозгласил, как тост, штурман и поднял свою емкость. – Токмо здоровья для.

Все схватились за свои стаканчики и даже поднялись с мест. Последним, чуть покачиваясь, подчиняясь примеру, встал Пашка.

– Ну, Паша, выходи сюда. Сейчас мы покажем, какими грациозными могут быть поединки в исполнении настоящих мастеров, – не унимался Боря.

Пашка вышел на середину рубки: спереди локатор, сзади переборка и входная дверь, с обоих боков по пять метров свободного пространства. Боря встал перед ним и начал прыгать, махая руками и дрыгая ногами.

– Разомнись чуть-чуть, – сказал он.

Пашка смотрел на все эти этюды бессмысленным взглядом и хотел, было, уже уйти обратно на свое место, но Боря встал в стойку и объявил:

– Я готов. Нападай!

– Зачем? – опять удивился штурман.

– Ты нападаешь, он защищается, – предложил Леша.

– Боря! Ты же наш, советский – проговорил Пашка.
– Вообще-то, украинский подданный. Ну, давай, нападай.
– Но родился-то в Советском Союзе?
– Ну, да.
– Значит, наш, советский. Я нападать на тебя не могу.
– Тогда пусть Борька атакует! – снова предложил Леша.
– Ладно, – кивнул головой Пашка. – Только тогда нам надо было в чистое белье переодеться.

– А это зачем? – развел руками перед Иванычем Леша.

– Солдаты перед боем всегда должны были в чистое переодеться, чтоб при ранении не произошло заражение крови. Старое белье – гарантированный сепсис, – неожиданно выдал боцман. – Понял, мамонт?

– Э, так дело не пойдет! – всполошился Леша. – Паша, вы же понарошку биться будете. Понял? Не до крови и увечий. Просто обозначая удары. Вы же не враги!

Боря в это время, чуть теряя равновесие, менял стойки, очень серьезно поглядывая на штурмана.

– Ну, вы начнете, или нет? А то все пошло выветрится, – сказал боцман и махнул своей когтистой лапой. – Брейк!

Боря махнул ногой чуть ли не до подволока и нанес прямой удар рукой. Пашка стремительно ушел в сторону и дернул правой рукой за штанину опорной ноги противника. Боря приложился об палубу всеми костями.

– Цуки-ваза, – начал, было, комментировать Леша, но запнулся и добавил. – Хулиганство какое-то, а не подсечка.

Боря перекатился назад через голову, встал, на коротком шаге левой ноги поднял правую и, разворачиваясь, как плетью нанес ей удар по голове.

Но Пашка легко наклонился, ухватился рукой оппонента за шею и дослал вперед, то есть себе за спину. Боря улетел, болтая руками – ногами, как сорванный бурей парус, хлопающий полотнищем на ветру. Врезался в полку со штурманской литературой и слабо хекнул. Лоции и Журналы информации судоводителей один за другим попадали на палубу.

Боря вновь яростно бросился вперед, отчаянно махая руками, нанося удары и ставя блоки. Пашка несколько раз неуловимо повел плечами, покрутил непонятным образом кистями, и Боря уже привычно помчался навстречу штурманскому столу, выдрав с корнем прикрученную к нему настольную лампу.

Леша с Иванычем сидели, раскрыв рты. В дверях тоже с раскрытым ртом стоял капитан Аркаша. Его каюта располагалась как раз под рубкой, так что его наверняка заинтересовал топот и неясное буханье сверху. Еще больше его заинтересовал, даже поразил стремительно пролетающий мимо Боря, неприятно удивил застывший с опущенными руками и смотрящий куда-то перед собой Паша и просто взбесил вид двух других членов команды, поднявших перед собой пластиковые стаканчики со вполне определенным содержимым.

– Эт-то что т-тут т-такое? – на самой высокой ноте, недоступной даже поварихе Люське, заикаясь, провозгласил он.

Леша с боцманом растворились в воздухе, только хлопнула дверь с мостика на крыло надстройки. Вместе с ними пропали, будто и не было, бутылка с неизвестным содержимым, все пластиковые, непустые стаканчики, поднос с остатками былой закусочки и пять вилок. Боря слез со стола и стал по стойке «смирно». Пашка молниеносным движением достал из-за уха припасенную сигарету, запихал ее в рот и стал энергично жевать.

Аркаша, бешено вращая глазами, потеряв дар речи, подошел к штурману и шумно втянул в себя воздух. От Пашки пахло хорошо пережеванным табаком сигарет «LM». У Бори на губах пузырилась кровь, а запах был такой, что капитану можно даже было и не подходить.

Утро застало Пашку в своей постели в своей каюте. Судно слабо покачивалось в блаженной тишине, стало быть, до сих пор они стояли на якоре. Голова ощутимо побаливала, значит, вчера все-таки нажрались. Пашка вздохнул. Но почему во рту столько табачных волокон?

На столе лежал чистый лист формата А4 рядом с ручкой. Приглядевшись, он увидел какую-то надпись посередине листка: «Объяснительная». А чуть сверху и справа: «Капитану т \ x ...» Почему-то все это было написано не его почерком, а почерком самого Аркаши. Пашка похолодел, неужели залет?

В каюту постучали, и вошла Люська. Она посмотрела на топорщащиеся трусы штурмана, утренней порой сигнализирующие всего лишь, что пора в туалет, и усмехнулась:

– Интересная реакция на «Объяснительную».

Но Пашка, казалось, ни на что не обращал внимание:

– Люся, что произошло?

– Сейчас объясню. Только по телефону позвоню. А ты пока выпей рассольчику, да опусти ноги в самую горячую воду, какую можешь выдержать. Тебе скоро надо прийти в себя. Аркаша лютует.

Она набрала горячей воды в принесенный с собой таз, выставив из него предварительно литровую банку с огуречным рассолом и большую кружку горячего кофе.

Пашка, поморщившись, закинул ноги в таз и потянулся, было, к кофе, но повариха его осекла:

– Сначала рассол.

Потом она взяла трубку судового телефона и, набрав номер, проговорила:

– Боря, бери боцмана и иди сюда. Оне уже изволили встать.

И снова усмехнулась.

Пашке действительно полегчало, будто похмелился. Вошли Иваныч и Боря. У последнего над глазом просматривалась некая припухлость, а губа была явно разбита.

– Это кто тебя так? – спросил штурман и похолодел. – Я, что ли?

– Да нет, сам упал, – покривился в улыбке Боря.

Иваныч рассказал, как было дело.

– Алкоголя он не нашел. Тебя в пьянстве тоже, вроде бы не застукал: ты, говорят, чемпион в поедании сигарет. Вот Борины боевые пляски – это проблема. Но тоже небольшая. Скажет, что нервничал перед швартовкой в махровом муслиском государстве. Так что все должно быть путем. Ты только никаких объяснительных не пиши. Без бумажки – все фигня. Стой на своем. У него нервы слабые, он долго ломать не сможет, – давал наставления старый мудрый боцман.

Да, такое было дело в доброе время на отечественном торговом флоте. Договориться можно было со всеми. А если нельзя это сделать на судне, то нужно потерпеть и сделать это на берегу. Мы же все не в заграничах живем, в любом случае в пароходстве можно пересечься. На берегу, правда, разговор зачастую получался совсем другой. Ломались руки, причем обе, у капитана Мешочникова, сгорала машина у стармеха Молодцеватого, выносили всю квартиру у капитана Кудимчука, да много других примеров.

А поди попробуй объясниться с голландцем, либо немцем, большинство которых с молодых ногтей были уверены, что Советский Союз – юдоль зла, колыбель варварства. Приходится терпеть, но ведь и терпение-то безгранично. Пашка испытал все это на своей шкуре, вздыхая по быломu флотскому братству. Если бы у нас платили хотя бы половину того, что дают буржуи – работал бы во славу родного государства до самой пенсии!

Но не бывает так, чтоб все случалось, как нам того хочется. Пошел Пашка под иноземный флаг. Перед каждым контрактом он убеждал себя, что все это правильно, к тому же временно. Не сегодня-завтра подымутся со стапелей могучие красавцы, взбрыкнут винтом, наберут команды, объединенные старыми добрыми пароходствами, положат истинную зарплату –

вот тогда начнется настоящая работа. Такие байки он рассказывал своему сыну, тот слушал, затаив дыхание, и радовался.

На работе Пашка почти совсем бросил пить: не с кем. Спортом тоже не шибко занимался: некогда. Зато начал читать книги, удивляясь поначалу себе самому. Грузил перед отъездом с интернета всю подвораживающую литературу, но отдавал предпочтение Казанцеву, Беляеву, Мартынову, Меттеру, Пришвину, классикам русской литературы. Они, в сравнении с большинством новой писательской братии и сестрии, писали какие-то объемные книги, сочные, насыщенные юмором и очень логичные. Однажды зацепился взглядом, просматривая свою библиотеку, за книжку, где автор с псевдонимом Дремота в аннотации пыталась удивить всех: «Эта книга далась мне очень тяжело. Любители Казанцева – прощу в сад». Не совсем понял, что бы это значило. Почитал во время вахты, очень расстроился. Захотелось вымыть с мылом не только глаза, но и память. Даже решил отзыв написать, типа: «работа, если она не приносит денег, должна приносить удовольствие. Если писать тяжело – не пиши, не надо тужиться. Сначала думал, ты просто дура. Потом понял, ты злая и заносчивая дура. Есть такой литературный термин: сука. Вот к тебе он подходит идеально». Потом передумал: девице нового поколения, к тому же иностранке, не понять. И стал перечитывать «Бежин луг» Тургенева.

На нынешнем судне Пашке было особенно тяжело: Нема умел всем поднять настроение. В египетской Александрии он уже собрался звонить в компанию, просить замену. У Номенсена контракт должен был закончиться через месяц, но старпом знал, что это слишком большой срок, чтобы перетерпеть и не сорваться. Легче слинять домой откуда-нибудь с Европы, пусть даже за свой счет, нежели решительно поставить крест на своей карьере одним взмахом руки и одним переломом челюсти.

Но не успел...

3

Через сутки после того, как Номенсен получил свою черную метку от филиппинцев, в румпельное гурьбой ворвались вооруженные оборванцы. Вообще-то было их всего три человека, но автоматы и большие ножи, демонстративно выставленные на всеобщее обозрение, будто бы добавляло им численности. Впрочем, прятать оружие им было некуда: не в дырявые же спортивные штаны с оттянутыми коленками и майками непонятного цвета с ляжками до пупа. Но с ними был человек, казавшийся просто Белоснежкой на фоне иссиня-черных своих коллег, хотя своей смуглостью он, безусловно, превосходил любого самого загорелого жителя бывших южных советских республик. Он деловито оглядел понурый экипаж и заговорил на хорошем английском:

– Мне не стоит напоминать вам, что все вы являетесь пленниками свободной и демократической Сомалийской таможенной службы. Много десятков лет никто не платил таможенных пошлин за проход мимо этого суверенного государства, тем самым обкрадывая народ, который ввиду своего географического положения должен быть одним из самых богатых в мире. Больше так продолжаться не может. Ведите себя спокойно – и у вас не будет проблем. После оплаты выкупа все вы, ну, или почти все, вернетесь к своим близким. Вопросы?

– Почему – почти все? – спросил старпом.

– Если вы будете вести себя без должного уважения к бойцам свободной и демократической Сомалийской таможенной службы, то есть шанс, что будете наказаны. Степень наказания определяют сами бойцы. Еще вопросы?

– Иди в жопу, чурка, – тихим голосом проговорил по-русски второй механик. – Иншалла?

– Иншалла, – невозмутимо кивнул бандитский оратор. – Капитан и еще кто-нибудь, пусть – старпом, со мной.

Номенсен живо вскинулся со своего места:

– А можно – старший механик?

– Пожалуйста, – пожал плечами лидер вооруженных людей.

Баас, кряхтя, поднялся. По его лицу не было видно, что он недоволен сменой места, пусть и кратковременного. Номенсен уже был у автоматчиков, злобно поглядывая на филиппинцев, словно говоря: «Теперь моя очередь веселиться».

Когда вся делегация скрылась за захлопнутой дверью, урки заволновались. Они принялись переговариваться между собой вполголоса, даже подстреленный кадет пролепетал что-то крайне жалобным голосом.

– Ты лежи спокойно, а то рана откроется, – сказал ему Пашка.

– Нас теперь накажут? – спросил боцман.

– Ага. Выведут на палубу и расстреляют, – проговорил второй механик. – А Номенсен будет командовать расстрелом.

– А Баас – подносить боеприпасы, – усмехнулся старпом.

– Мы не виноваты! – чуть ли не прокричал второй штурман, самый титулованный среди всей филиппинской банды на этом судне, но по причине молодости еще не имеющий никакого авторитета. – Это все он!

Трясущимся пальцем он указал на бледного, как старая застиранная простыня, Эфрена. Все урки с осуждением взглянули на повара.

– Да вы тоже его били! – попытался он оправдаться.

– Ты начал! – хором ответили урки. – Мы не виноваты!

– Вот она – взаимовыручка филиппинских детей природы! – покачал головой второй механик. – Паша, успокой ты их, а то сейчас бедного Эфрена до инфаркта доведут!

Старпом вздохнул и снова поднялся со своего места: какие бы ни были урки замечательные работяги, но порой чувство самосохранения может довести до абсурда каждого из них. Что поделаешь – чем ближе к природе, тем сильнее инстинкты. Тут уж не до моральных и этических норм.

– Успокойтесь, товарищи, – сказал он. – Капитана забрали просто вести переговоры. На вас его поведение никак не отразится, уж поверьте мне. Он такой же пленник в наших условиях, как и мы все. Что у нас здесь происходит – это их не волнует.

Второй механик поднял вверх большой палец. Урки поволновались немного, но уже не совместно, что наиболее неприятно и иногда опасно, а каждый по отдельности.

Принесли сомнительного качества еду: ядовито пахнущее вареное мясо, сушеных рыбок, хлебных лепешек на манер лаваша, только серого цвета, и в кувшине жидкость, чем-то напоминающую молоко. Эксперт по пище, повар Эфрен, расправил крылья, оправляясь после обвинений своих земляков, и объяснил:

– Мясо – это верблюд. Оно хранится в таких чанах, закопанных в землю в тени. Залито все каким-то рассолом с добавлением местных трав против гниения. По мере необходимости варится все на огне, причем нижние куски отдельно. Их получают местные авторитеты. Самым незначительным людям из местного сообщества достаются куски сверху, те, что успели подпортиться жучками и червячками.

– Этому вас на поварских курсах учат? – удивился механик.

– Нет, – улыбаясь, ответил Эфрен.

– Ну, и откуда столь занимательные познания? – спросил Пашка.

– Википедия.

– А молоко это пить можно? – включился в разговор боцман.

Повар, сделал паузу, тем самым давая понять, что он не забыл, как совсем недавно на него наезжали. Потом все-таки произнес:

– Попробуй, не умрешь.

Боцман осторожно налил себе в пластиковый стаканчик густую желтоватую жидкость, но сам пить не стал, сунув емкость под нос ОэСу. Тот посмотрел сначала на насыщенное жиром

питие, потом на своего палубного начальника. Решил, что гневить боцмана все же не стоит, и осторожным сипом втянул в себя буквально миллиграмм.

– Ну? – спросил боцман.

– Горькое очень, – ответил ОэС и только после этих слов скривился в гримасе отвращения.

– В таких странах испортившейся пищи не бывает, – сказал механик. – Верблюжье молоко старого доения запросто мешается со свежим.

– Тоже Википедия? – поинтересовался старпом.

– Канал «Discovery».

Несмотря на голод, мясо и молоко есть не стал никто. Заточили сушеных рыбок, закусывая вполне съедобным пресным хлебом. Даже оставили долю капитану и стармеху, когда те вернутся. Напившись до одурения воды, народ повеселел. Урки начали между собой оживленно переговариваться, временами даже смеясь.

К Пашке подсел второй механик, чтобы просто так поговорить за жизнь. Его лицо, сильно опухшее после ударов прикладом и ногами, уже наливалось чернотой. Руки, ноги и туловище, чудом избежавшие переломов, саднило уже гораздо меньше.

Второй механик

Юра Мартыненко был родом из Смоленска. Сын потомственных железнодорожников. Да и у него предстоящий рабочий путь был вполне определен: ЛИИЖТ (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта), потом либо депо, либо стул в управлении железной дороги. Но не сложилось. По глупой случайности, которая, наверно, была predetermined самой судьбой.

Приехав на абитуру в самом конце восьмидесятых в стольный Питер, Юра решил для себя, что лишнее время для подготовки не помешает и записался на месячные подготовительные курсы. Определился в общагу, выгрузил в тумбочку учебники и справочники и понял: все у него получится. Вообще-то, можно было остановиться и у сестры матери, которая жила в своей собственной однокомнатной квартире в Веселом поселке, но хотелось самостоятельности.

К нему в комнату меж тем подсеяли новых жильцов. Скоро их сделалось много, числом восемь. И не все были вчерашние школьники, шестеро – выгнанные из армии приказом товарища генерала Язова студенты вторых и даже третьих курсов. Армия в тот год избавлялась от жертв, чистящих учебные ряды, бывших призывов. Студенты, не дослужившие положенных двух лет, просто не верили своему счастью. Юру и коллегу-школьника тоже захлестнула волна общей эйфории.

Собственно говоря, подготовка к экзаменам и закончилась, как таковая, в первый же день. Наверно, полезно было походить порешать задачки. Но, во-первых, программа была очень знакомая – школу номер семнадцать в Смоленске Юра закончил если не блестяще, то очень прилично. Во-вторых, встреча бывших сокурсников в общежитии невольно, как в круговорот, затащила и двух наивных абитуриентов.

Наверно, это было вполне закономерно, что он легко увлекся веселом гудежом со студентами, забросив подальше всякие размышления о предстоящем поступлении, а, самое главное – о том, что происходило дома.

После восемнадцати лет совместной жизни его родители расходились. Давалось это тяжело. Юра не мог больше видеть, как плачет и ругается мать, как прячет глаза отец. Причиной развода был не уход к кому-то, а уход от кого-то. Родители уходили друг от друга.

Младший брат постоянно торчал на улице, только ночуя у бабушки, а Юра слился в Питер. Это действительно помогло. Невысокий, отлично сложенный благодаря активным занятиям туризмом, светловолосый парень из Смоленска стал чуть ли не душой гуляющей

кампании. Как правило, вечера не заканчивались культурным потреблением алкоголя, обязательно случались прогулки и даже поездки по вечернему Питеру и окрестностям.

Однажды они оказались в Луге, где на примыкающей к городу лужайке собралось вполне организованное собрание молодых, крепких и очень коротко стриженных парней. «Сейчас будет выступать Буркашов», – сказал друг-приятель, привезший сюда всю честную кампанию.

– А кто это? – спросил Юра.

– Да лидер их организации, как ее – РНЕ. Русское Национальное Единство.

Перед собравшимися вышел худощавый, с нормальной стрижкой человек, более всего напоминавший Юре директора школы. Он, не надрываясь и не брызгая слюной, поблагодарил всех собравшихся, напомнил, что мы должны противоборствовать вырождению нации и противостоять нашествию черного во всех понятиях этого слова (черная кожа – черная душа) человеческого сообщества. «Культурно противостоять!» – добавил он, и все вокруг заулыбались, пихая друг друга в бока огромными кулачищами. Потом сказал, что следует возродить традиции и помнить о делах своих славных предков, воплотившихся, если уж не в мифическое Куликово поле (коего вполне возможно и не было вовсе), то в сражении при Прохоровке. Предложил всем учиться и думать. «История на самом деле – это не то, что нам с детства вкладывают в голову. Еще Наполеон, не кривя душой, заявлял, что может легко написать такую историю, какая ему нужна и выгодна. Мы должны максимально приблизиться к истине. Рано или поздно, конечно, полная истина будет нам известна, но тогда мы ей уже, увы, ни с кем из живущих поделиться не сможем». Народ опять заулыбался.

Словом, выступал Буркашов занятно, потом откланялся и исчез.

Вместо него появились милиционеры, одетые по последнему крику моды: в бронежилетах, касках и дубинках. Кое-кто держал ружья с большими по диаметру стволами. «Как в кино!» – подумал Юра.

– Ходу! – успел сказать студент, завлекший их на эту лужайку, но, словно эта команда относилась к ментам: те мрачно и синхронно взмахнули дубинками и пошли на толпу.

Все остальное происходило в каком-то молчании. На слова, будь то угрозы или оскорбления, тем более, просьбы о пощаде, никто не разменивался: слышен было только единый выдох при ударе, стон тех, на кого этот удар пришелся, и жуткий шлепок резиновой палки по телу.

Но загнать всех молодых парней в удобное для милиции место не удалось. Цепь людей в бронежилетах разомкнулась, потому как в нее слаженно ударила колонна взявших за пояса своих товарищей, стоящих плечом к плечу парней. Задние напирали на передних, те, у кого по причине предательского удара или просто из-за неровности почвы, ноги заплетались, выносились, вцепившись мертвой хваткой в пояса штанов.

Юра тоже схватил кого-то, как схватили и его. То, как им удалось прорваться сквозь строй милиции, даже несмотря на полученные синяки и ссадины, вызывало состояние восторга. «Да, брат, русбой – это сила!» – подмигнул ему сосед, совсем незнакомый почти лысый здоровяк.

Уже в электричке на Питер, объединившись с ЛИИЖТовскими корешами, они обсуждали произошедшее.

– Все это, конечно, правильно, – сказал Кирилл, мурманчанин, недослуживший полтора года. – Идея замечательна. Слова правильны.

– Но что-то смущает? – спросил Василий, полноправный дембель, то есть успевший отслужить весь срок, из Отрадного.

– Да менты эти, тудыть их расстудить! – сжал кулаки Кирилл. – Ведь это государство!

– Ну и что? – не понял Юра.

– Против государства идти, все равно, что ссать против ветра, – ответил ему Василий.

– Так мы ж не против государства, – развел руки в сторону абитуриент. – Мы вообще ничего плохого не делали!

– Вот это ты как раз ментам и скажешь, – сказал Кирилл. – Они тебя так внимательно слушать будут, что закачаешься. Юра, я тебя умоляю! Ты, как дитя, право слово!

– Да, ладно вам придумывать! Будто у нас других дел не хватает! – заметил Прошка, прижимавший к скуле несколько медяков. Ему вскользь досталось дубинкой, но синяк вырисовывался нешуточный. Родом Прошка был из Великих Лук, отслужил два года где-то под Чернобылем, причем год практически один на один со стадом чурок. Перевели его в штаб только после того, как он, уже по-молодости метким выстрелом убивший случайного лося на надзорной полосе, ночью раздобыл автомат и поднял всю казарму по тревоге. Точнее, положил всю казарму на пол, разнеся для острастки графин с водой и вентилятор. Потом выводил наиболее озлобленных чурок на расстрел в сушилку, стрелял в потолок, имитируя казнь, на миг скрывался сам за дверью в это пресловутое помещение, типа проверить: мертв, или не совсем? На самом деле, просто лупил прикладом по башке оглушенного грохотом сослуживца. Затем снова клал всю роту, попытавшуюся вскочить за это время на ноги, на пол, поводя стволом направо – налево. Вызывал новую жертву. Когда в казарму прибежал встревоженный хлопками выстрелов дежурный офицер, Прошка, успев заложить автомат обратно в оружейную комнату, браво отрапортовал, что личный состав знакомится с поведением в случае потери терпения одним из самых замордованных солдат. И ведь, хитрец, в сигнализацию о вскрытии оружейки установил жучок, так что в офицерской караулке не заорал никакой сигнал тревоги. Для него, будущего электроинженера, это было совсем не проблемой. А печать на пломбу из пластилина хлопнуть было делом одной секунды. Посовещались «гансы», то есть офицеры, привлекли к совету «кусков», то есть прапорщиков, опросили пострадавших чурок: те, как один мамой клялись, что теперь «зарэжут этого ишака», пригласили и Прошку. Для начала он сбил с табуретки на пол самого уважаемого чучена, попросил разрешения сесть сам. Все немного побалагурили: «гансы» по инерции разрешили сесть, «куски» по традиции заругались матом, чучены все дружно стали в оборонительные стойки. Короче, перевели Прошку дослуживать оставшийся год в штаб дивизии.

– Мы же здесь для того, чтобы получить высшее образование, если кто забыл! – продолжил Прошка. – Буркашов, конечно, кремь. Но он уже вон, какой взрослый! У него и высший разряд по каратэ, и денег прилично, он идеологически подкован, сам лучше любого адвоката защитит себя сможет. А мы – такие молодые, вся жизнь еще впереди. Зачем нам какая-то борьба?

– Так что, сидеть, сложа руки? – возмутился Василий. – Когда вся эта чернота откуда-то вылазит, нисколько не задумываясь, что они здесь всего лишь гости?

– Да боййся Бога, Вася! – покачал головой Прошка. – Ты не будешь иметь никаких дел с этой «чернотой», даже здороваться не станешь! Твои друзья не будут. Твои близкие тоже. Вот и решение. Они без нас – никто. Только мы сами помогаем им глумиться над нами. Мы умнее. Это надо помнить!

– А если..., – начал, было, снова Василий.

– А вот если это произойдет, то мы должны знать и о себе, и о них если не все, то максимум. Мы же не будем биться с ними их же оружием! У нас есть мудрость поколений, у нас есть возможность анализа, у нас, наконец, есть голова на плечах. Неужели мы не найдем выхода, чтобы выбраться с минимальными потерями?

– О чем разговор-то? – удивился Юра.

– Да если все-таки возникнет конфликт, никто ж не застрахован от этого, – прояснил немного Кирилл.

– Вот и я говорю: надо учиться. Не только в нашем бравом ЛИИЖТе, но и дополнительно. Читать, думать, анализировать. Ведь если эта чернь сюда суется, значит, это кому-то выгодно, значит, у этого явления есть поддержка на самом верху! В таком случае волну самому гнать

не стоит, как камню, брошенному в воду. Камень-то утонет, не оставив сколь заметного следа. Просто надо иметь свою четкую позицию, – спокойно и скучно разглагольствовал Прошка.

– Ты просто, как этот, Буркашов! – восхитился Юра.

– Увы, нет, – вздохнул Прошка. – Много пришлось в свое время передумать, как же остаться живым и по возможности наиболее здоровым. Там, в лесу. Тяжелый был год.

Все замолчали и принялись смотреть в окно, где мелькали столбы и проносились мимо какие-то хибары, похожие на жилища дехкан.

– А про Буркашова вот что я вам, господа студиозусы, скажу, – нарушил паузу Прошка, перевернув нагретые пятаки, и снова прижав их к щеке. – Если он действительно такой честный человек, каким себя кажет, то рано или поздно, когда совсем устанет от так называемой борьбы, уйдет в монастырь.

– Это как? – сразу все вместе удивились остальные.

– Будет искать ответы на все вопросы у Бога, монахом станет, или священником.

Никто не стал отвечать на подобное предсказание, каждый, думая о чем-то своем, уставился в пыльное окно. Юра вспоминал родителей и злился на себя: переживая за них, хотелось самому исправить положение, чтоб было все как прежде. Но как, черт побери?

Слава богу, что скоро случился Питер, недалекие «Пять углов», ресторан «Садко», поблизости от которого всегда можно было приобрести «Ркацетели», или «Вазусибани» по два семьдесят за бутылку.

Прошка как-то сам собой стал негласным лидером их питейного сообщества, почти гуру.

Иногда Юра по утрам решался пойти на подготы, но, подходя к ЛИИЖТу, желание пропало, он выруливал на Майорова, заходил в некруглосуточный переговорный пункт и звонил в Смоленск. Он разговаривал с друзьями, один раз даже номер автоответчика кинотеатра набрал, внимательно прослушал весь репертуар, но связаться с домом не решался. Телеграмма, что у него все в порядке, готовится к экзаменам, было единственное, что он позволил себе за это время.

Как-то днем съездил за компанию с Прошкой на Елизаровскую, где жил очень интересный человек, сосед «гуру» по даче. Человек оказался профессором с кафедры философии одного из питерских вузов, Владимир Залманович Дворкин.

– Заходи, заходи, Игорь, – сказал профессор, но, увидев, что посетителей было двое, добавил:

– Проходите, парни. Чайку?

Прошка, который, оказывается, в другой жизни назывался Игорем, легко согласился:

– Это – Юра. Он из Смоленска. Пока абитуриент. Думает поступать к нам.

Пока за чашкой чая Дворкин передавал Прошке наказы и приветы родных и близких, выставлял какие-то обернутые в газеты банки, Юра осторожно присматривался. Просто так, из любопытства.

Квартира была самая обыкновенная, никакой экзотики или антиквариата, никакой вычурной электроники, книг, правда, очень много. На холостяцкое жилище тоже не походило: чувствовалась системность и опрятность вещей, какие может им придать только женщина. Сам хозяин квартиры был чуть старше пятидесяти, седые волосы аккуратно подстрижены, будто только из парикмахерской. Правую щеку портил глубокий и давний шрам. Из-за него скула была, словно с гигантским флюсом, отчего, наверно, и речь профессора казалась чуть невнятной. Но этот дефект не делал Дворкина уродом, во всяком случае, не хотелось постоянно бросать взгляд на эту опухоль.

– Были тут недавно на Буркашевой сходке, – поделился воспоминаниями Прошка.

– И вас не изловили милиционеры? – чуть усмехнулся профессор.

– Русбой – это сила, – вставил Юра, припоминая слова того здоровяка.

– Все-таки, молодой человек, в нашей жизни силой многого не добиться, – обратился к нему Дворкин.

– А чем же еще? – вырвалось у Юры, хотя он и сам прекрасно мог себе ответить.

– Терпением и силой воли.

– Иначе говоря, верой, – сказал Прошка.

– Молодец, Игорь, – кивнул головой профессор. – Армия тебя многому хорошему научила.

– Ну, да, – поджал губы Прошка. – Живой вернулся – и то, слава богу.

Дворкин встал со своего места и, не спрашивая разрешения, налил всем еще по одной чашке чаю.

– Не будем о грустном, – сказал он. – Вы вот что мне скажите: обратили внимание на их герб?

– Ну, фашистская свастика, – пожал плечами Юра. – Почти.

Профессор откинулся, было, на стуле, но потом встал, и подошел к книжной полке. Он вернулся за стол с книгой в руках.

– Свастика – это точно, – сказал он. – Но вряд ли фашистская. Вот взгляните на эту книгу, которая издалась уже при советской власти. Это подарочный вариант карело-финского эпоса «Калевала».

Парни начали разглядывать книгу, где на каждом рисунке, если приглядеться, можно было увидеть все ту же свастику: и в узорах на вышивке, и выдолбленной на камне, и на женских украшениях, и на рукоятках мечей.

– Вот тебе раз, – удивился Юра. – А я думал, буркашевцев за их пропаганду фашистской символики гоняют.

– Свастика – это не фашизм. Только очень мало народа это понимает. Но дело не в этом.

– А в чем же? – задал вопрос Прошка, чем удивил своего товарища: Юре казалось, что уж кто-кто, а Прошка все знает.

– Мы, молодые люди, забываем свою историю, – сказал профессор. – Не ту, что в школе и институте учат, а истинную историю. Определенными людьми прикладывается немалое усилие, чтобы мы потеряли наследие наших великих предков. И очень жаль, что эти люди диктуют всему обществу, как жить, и что такое правда.

– Как Наполеон? – поставив чашку, спросил Юра.

– Как несколько маленьких наполеонов.

– А каков смысл? – пожал плечами Прошка.

– Вот скажите мне, молодые люди, когда наступил пик бездуховности в нашем государстве? Еще слово такое возникло: атеист, что служило поводом для гордости, вопросом на вопрос сказал Дворкин.

– После революции, конечно, – ответил Юра. – Или, быть может, после расстрела царской семьи.

– Ты согласен со своим другом, Игорь?

Прошка развел руками:

– Ну, вообще-то – да.

– А мне вот что-то кажется, что немного раньше, – подняв брови, чуть кивнул профессор и продолжил. – Это, конечно, мое субъективное мнение, но мне кажется, что после смерти Григория Распутина – Новака. Это сейчас в книгах и фильмах, особенно голливудских, любят выставлять Распутина мерзавцем, воров и проходимцем, пьяницей и насильником. Но каким же тогда образом он приблизился к царской семье настолько, что его почитали, как святого старца? Ведь Николая Второго можно обвинять в некоторой бесхарактерности, но уж никак не в глупости.

– Он, Распутин, был талантливый гипнотизер. Лечил Царевича Алексея от гемофилии, – сказал Прошка.

– Не очень мудрая версия. Но очень распространенная. Наверно, ее запустили еще Хвостов и Белецкий – высокопоставленные царские чиновники, ярые враги Распутина. А, может быть, Симанович – еврей, который изображал из себя поклонника Распутина, но на деле создавший своеобразную очередь на прием к «святому старцу» и за определенную мзду устраивающий «доступ к телу» без ожидания своего часа. В основном, помогал богатым евреям, устроил «жидовское лобби», как писали тогда современники. Хотя, вполне вероятно, что и отец Илиадор, сбежавший, по-моему, при царе в Хельсингфорс, злейший враг Распутина, приложил к этому мифу свою руку. Руку будущего чекиста Труфанова, кем он стал после революции. Забавно: святой отец стал чекистом. Но после смерти Распутина Россия кубарем покадилась в анафему какую-то. Расплодились не просто атеистические кружки, но и откровенно богохульственные. Заметьте: глубоко верующая Российская империя за несколько лет ухнула в воинственный атеизм. Почему? Потому что объявили Распутина антихристом? Вопреки истине из святого сделали грешника? Перевернули у народа понятие о вере: все святое – не святое? Вот она деятельность наполеонов.

Дворкин замолчал, пригубил из своей чашки остывающий чай.

– Если история будет подменена досужим вымыслом, то нет никакой гарантии, что и нас с вами когда-нибудь не подменят на других, – добавил он и с улыбкой посмотрел на притихших парней.

– На черных? – спросил Юра.

– Может быть. А, может, на желтых. Или еще каких.

Возвращаясь обратно в общагу, загруженные банками с соленьями и вареньями, Прошка и Юра почти не разговаривали. Наверно, просто нужно было время, чтобы слегка усвоить полученную информацию. Настроение, конечно, лучше не сделалось. Впрочем, хуже тоже.

– Интересный человек этот твой сосед по даче, – сказал Юра, когда они выбрались из метро.

– Не то слово, – кивнул Прошка. – Только не воспринимай его рассуждения очень уж серьезно. Наверняка ничего знать нельзя, только предполагать. Если тебе пришлось по душе профессорские мысли – значит, в вашей реальности так то и было. Понял?

Юра кивнул, гнетущее ощущение хаоса и катастрофы стало притупляться. Постепенно вернулось обычное веселое и деятельное настроение.

Однако время шло, и до вступительных экзаменов осталось всего-то десять дней. Юра, решительно забивший на подготы, до сих пор так и не сдал в приемную комиссию свои документы. Потихоньку начали разъезжаться по домам друзья – товарищи – собутыльники, завершившие свои формальности восстановления в институте после армии. Однажды Прошка попросил его съездить под вечер на Елизаровскую:

– Родители говорят, послали снова какую-то посылочку с женой Дворкина, тоже вернувшейся в Питер. Мне, как видишь, сегодня – ну нет возможности.

Прошка, днем зарывшись в какой-то пивной на Нарвской под названием «Мутный глаз» после встречи с однополчанином, пах исключительно кислым пивом и пересушенной ставридой. Мчаться на встречу с профессором, и, тем более, профессорской женой, он опасался. «Имидж – ничто. Жажда – все. Но и имидж лучше не терять», – сказал он Юре и рухнул на койку.

Жена у профессора была молодой и улыбочивой. Они опять погоняли чай, за которыми Юра, вдруг, узнал, что революцию 17 года устроили приезжие с юго-запада Нью-Йорка евреи при поддержке немецкого генералитета, а ударной силой у них были китайские «кули», завезенные в Россию на лесозаготовки и нищие латыши, за белую булку готовые резать, вешать и жечь, не считаясь с возрастом и полом.

– Так вот откуда у нас в деревне находились странные китайские монетки с дырками посередине! – воскликнул Юра.

Жена Дворкина зааплодировала и налила еще чаю.

– И вот, что я еще хотел сказать тебе, Юра, – проговорил Дворкин. – В нашей природе человечество не может жить без лидеров. Обязательно найдется тот, кто в состоянии организовать народ и повести их за собой, пусть даже на короткое расстояние. Так вот около этого человека, этой незаурядной личности, обязательно рядом возникнет провокатор, чьи цели, в большей своей степени, прямо противоположны благородным идеям. Это тоже закон. Остерегайся провокаторов.

Посылка была совсем маленькой: банка с огурцами и две книжки по электричеству со штампом «Библиотека ЛИИЖТа». Наверно, Прошка перед армией не успел их сдать. Распрошавшись с гостеприимными хозяевами, Юра неспеша двинулся в сторону метро. Но вот дойти до него, как и доехать до общаги, у него не получилось. Не судьба, видно, было Прошке полакомиться огурцами и рассчитаться со своим библиотечным долгом.

– Стой! – рыкнул голос почти на ухо разомлевшему в благости июльского вечера абитуриенту Юре. Он от неожиданности даже вздрогнул, но, присмотревшись к обладателю столь низкой звуковой гаммы, вспомнил здоровяка, что не так уж давно в Луге восторженно отзывался о русбое.

– Здорово! – протянул он свободную руку.

– Здорово! – ответил тот. – Ты тоже в акции участвуешь?

– Какой такой акции? – удивился Юра.

– А, понятно, – протянул крепыш. – Действительно, чего это я? Ты ж с магазина типа идешь.

– Вроде того, – согласился Юра и для наглядности потряс сумкой с банками.

– Ну, ладно. Тогда бывай здоров! Увидимся, – снова протянул здоровяк свою широкую, как лопата ладонь. Потом, внезапно, задержал Юрину руку и добавил. – Мы тут чурок немного подавим. Так что смотри по сторонам.

– Хорошо! – не очень задумываясь над смыслом, ответил абитуриент. – Удачи!

Странный знакомый свернул в подворотню и скрылся из глаз.

Не успел Юра пройти в направлении к метро и ста метров, как прямо на него из-за кустов выскочили три человека. Все они, несмотря на очень теплую погоду, были одеты в черные кожаные куртки, аляповатые черно-белые рубашки, черные же штаны и легкие туфли, такого же радикального цвета.

Если бы это были голубоглазые блондины, то Юра бы подивился их вкусу. Но эти молодые парни подобрали свою одежду в тон к своим волосам и глазам. Они явно откуда-то спешили и, судя по направлению движения, замыслили добраться до метро. Причем, гораздо быстрее, чем случившийся на их дороге иноплеменник.

– Чё, сука, попались! – сказал один из троих.

Юра обернулся назад, но поблизости никого не было. Стало быть, обращались к нему.

– Режь его, ваха, – сказал другой. А третий вытащил откуда-то из носка нож, узкий и острый. «Пика», – почему-то подумалось Юре, но дальше мысли его спутались, потому что тело само начало двигаться, уворачиваясь от выпадов агрессивного незнакомца.

Сзади стали доноситься какие-то истошные вопли, звон разбитого стекла и звуки, сопровождающие человеческую возню: глухие удары, трели свистка, треск чего-то деревянного, ломающегося.

Трио в черном, не сговариваясь, решили отложить поход в метро. Каждый из них, хищно раздув ноздри, выставил вперед в угрозе кто – руку, кто – ногу, кто – ножик. Юра мог им противопоставить лишь сумку с книжками и парой банок. Его быстро оттеснили в сторону кустов, лишив возможности решить противостояние быстротой ног. Тот, что был с пикой, хищно и

злорадно облизнулся: он был уверен, что жертве теперь деваться-то некуда. К тому же своими пируэтами ему удалось оцарапать противнику бок. Юра-то сам этого не видел, да и не почувствовал. Но враг видел, как сквозь длинную прореху на джинсовой рубашке сочится кровь.

– Уши ему вырежу, – поделился он своими планами с товарищами. Почему-то весь разговор они предпочитали вести на русском, видимо, для устрашения.

Но Юра и так уже испугался дальше некуда. А так как бояться сильнее уже не получалось, он начал действовать: он бросился спиной на кусты, одновременно взмахнув сумкой по кругу над головой. Тот, что с ножом, подался вперед непонятно зачем. Кусты спружинили, плотный материал рубашки не порвался и не зацепился. Юру даже развернуло на пол-оборота, когда он со всей силы припечатал библиотечные книги, отягощенные банками в черноволосую голову нападающего. Удар был впечатляющим, и если бы не поддержка товарищей, тот бы неминуемо завалился наземь. Пика успела вывалиться из руки и отлететь куда-то к тротуару.

«Знание – сила», – мелькнула мысль и Юра, развивая успех, ударил почти наотмашь кулаком слева второго своего недруга. Но тот, поддерживая коллегу, сделал неожиданный маневр, продемонстрировал отменную реакцию и подставил оглушенного товарища под губительный удар.

Кулак пришелся как раз в треугольник нокаута. Впрочем, не успев оправиться от первого попадания, былой пиконосец даже не крикнул. Ноги его предательски подкашивались, но соплеменники, уцепившись за него, как за спасительную соломинку, упрямо не давали ему пасть ниц.

А Юра, выпустив сумку, начал ожесточенно наносить удары с обеих рук, один краше другого. Два сосредоточенных человека в черных одеждах старательно и успешно подставляли третьего под летящие с двух сторон кулаки. Наконец, они, осознав, что скоро устанут, и не смогут больше тренировать взбешенного белого парня, захотели убежать. Но, бежать и одновременно тащить на закорках своего безразличного к ласковому летнему ветерку товарища, было невозможно. Поэтому они с рук на руки сдали бесчувственное тело возникшему из ниоткуда, наверно, из засады, сержанту-милиционеру и исчезли в клубах пыли, поднимаемой высоко задираемыми кривыми ногами.

– Какого рожна! – заорал мент, но подавился остальными словами, потому как Юра, разухарившись, приложился ему по голове всеми своими девянсто килограммами, вложенными в сокрушительный удар. Милицейская фуражка упала на грязную траву, следом опустились мент и на него сверху тот, что совсем недавно хвастался ножиком.

Юра вмиг остыл к драке и вспомнил, что если с мента уронить фуражку, то посадят на три года, опустил руки и похолодел: на него накатывалась, дудя в свои свистки, целая милицейская прорва. Где ж вы раньше были, демоны?

Он посмотрел по сторонам, лелея непонятную надежду, но выход был только один: сдать правосудию, как должен был поступить законопослушный гражданин. Вокруг вдруг сделалось многолюдно: бритоголовые парни с гиканьем и пересвистом обрезками труб, кастетами и цепями гнали испуганную и уже неспособную к сопротивлению массу смуглого народа, ориентировочно принадлежащую к «кавказским» этническим группировкам. Кто-то из черных был перемазан в крови, кто-то падал без движения, сраженный метким ударом.

А менты, придерживая на ходу фуражки, скакали, как атакующие буденовцы, лавируя между опьяненными побоищем бритоголовыми парнями, перепрыгивая через неподвижно лежащих кавказцев. Их горящие глаза на перекошенных дикой нечеловеческой злобой лицах, как прицелы, упирались в растерявшегося абитуриента Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта.

«Не бывает безвыходных ситуаций – есть неприятные решения», – мудрость всплыла лозунгом в оцепеневшем мозгу обреченного парня. Обреченного – с точки зрения Закона. Но хотелось спастись, пусть даже отказом от законопослушания. Юра, с трудом подавив оцепе-

Юра отрицательно закачал головой. В это время пришел Тулуп и принес бутылку водки. Огурцы промыли под водой и слопали. Сначала одну, потом другую банку. Прости, Прошка, что не донес!

А ночью нагрянул какой-то дежурный. Топорща усы, он гудел откуда-то из-под потолка: – Кто таков? Почему не знаю? Как пробрался в расположение?

За Юру ответили новые друзья. Абитуриент, мол. Земляк, только с поезда. Не спать же под забором!

– Ладно, – смягчился дежурный. – Ну-ка покажись!

Юра встал, шуря один глаз на свет, доставая усачу только до бочкообразной груди.

– Борец? – спросил дежурный.

– Да так, культуризмом занимался слегка, – стараясь смотреть себе под ноги, ответил

Юра.

– Какой такой культуризм? Греко-римская борьба! Уж я-то вижу! Где так поцарапался? Через забор перелезал?

Юра только кивнул головой.

– А ну-ка покажи свои документы, друг мой ситный!

Как ни странно все документы: аттестат, характеристика, медсправка, паспорт и призывное свидетельство были при себе. Их он разложил по карманам, собираясь со дня на день сдавать в приемную комиссию, да как-то все не дошел. Не было только комсомольского билета – его пришлось оставить в общежитии ЛИИЖТа, как залог за постельные принадлежности.

Дежурный посмотрел в аттестат и очень воодушевился:

– Что ж ты, Юра ибн Вася, так затянул с поступлением? Завтра последний день медкомиссии. Послезавтра уже экзамены. Ладно, помогу тебе. С утра можешь проходить комиссию, документы я сам в приемную отдам. Ты уверен, что пойдешь на судомеханический?

И сам себе же и ответил:

– Только на судомеха. Никакие другие факультеты не рассматриваются. Какой, говоришь, у тебя разряд?

– Первый, – ответил Юра. – Юношеский.

– Ха, – сказал дежурный. – Смешно. Сдать все экзамены! Это, считай, приказ! Юношеский!

И ушел, унося все Юрины документы, посмеиваясь в усы.

– Что это было? – спросил абитуриент.

– Это Иосифович! Борец наш. Сборную тренирует, – сказал Андрей. – Запал на тебя. Ну, теперь, будешь за ЛМУ бороться!

– А как же ЛИИЖТ? – удивился Юра.

– Никуда от тебя твои железные дороги не денутся. Тебе надо от ментов отсидеться, пока все ориентировки слегка не завянут, – предложил Толя. – Давайте спать, пацаны!

Стал Юра нежданно-негаданно курсантом судомеханического отделения ЛМУ. Комиссию прошел вполне нормально, чему порадовался – хорошее здоровье, знаете ли, иногда способствует поднятию настроения. Из экзаменов, так вовсе, пришлось сдавать всего один. По причине подавляющего большинства отличных оценок в аттестате, устная математика, в случае положительного результата, давало право проходить по конкурсу без дальнейших испытаний. Вообще-то, нужна была «пятерка», но просьба Иосифовича не терзать парня, была приемной комиссией услышана. Впрочем, даже без подготовки, Юра отбарабанил на экзамене доставившись ему прогрессии, упомянув для пушней важности еще и число Фибоначчи, получил высший балл и отправился вставать на довольствие, стричься налысо и определяться в учебную группу.

Энергичный Иосифович сразу же заманил парня на месячные сборы в Кавголово, где тренировались борцы. Юра, правда, честно признался, что в жизни не боролся, только в дворовых противостояниях. Но это тренера нисколько не смутило:

– Брось ты! Главное желание и здоровье! – сказал он. – Пока здоровье есть – начать никогда не поздно. Попробуй, там видно будет.

За день до отъезда, он, дождавшись позднего вечера, переделся в позаимствованную спортивную одежду и, пробравшись на волю через известную дыру в заборе, после недолгого колебания припустил трусцой по пустующим улицам. В своей прошлой комнате в общежитии ЛИИЖТа Юра застал только бывшего коллегу абитуриента. Все армейские друзья-приятели, разъехались по домам.

– А мы думали, ты где-то завис. Девчонку нашел или что-то в этом роде, – сказал тот, поднимая голову от учебника по физике.

– Ага, или мальчишку, – кивнул головой Юра, несколько обиженный в душе, что к нему так равнодушно отнеслись.

Выложил он учебники для Прошки, наказав передать тому после поступления, собрал свои нехитрые вещи и попросил:

– Слушай, у меня комсомольский билет до сих пор томится где-то в сейфе у кастелянши. Не в службу, а в дружбу, сдай мое постельное белье и вызволи его оттуда. А потом, найдя свободную минутку, отвези его на Елизаровскую, в ЛМУ. Там уж мне передадут. Пожалуйста!

– А, понятно, почему ты теперь лысый! – ответил парень, весьма польщенный тем, что у Юры не вызывает сомнения его поступление в вуз. – Конечно, передам Прошке его книжки, а билет твой привезу в ближайшее время. Чего думаешь: зачислят меня?

– О чем вопрос, старичок! Ты ж – голова! Да к тому же, как я погляжу, готовишься, не покладая рук! – Юра кивнул головой на стопки книг на столе, лишь краем глаза отметив названия. Что-то типа: «Смертельное убийство», «Вздохи. Интимные дневники петербургских профурсеток», «Кама сутра в туристских походах» и тому подобное.

– Ну, в общем ладно. Главное – быть уверенным в своих силах, – он скоренько распрощался и убежал обратно в свою систему.

Через четыре года эта система выдала на-гора молодого специалиста с красным дипломом на руках, победителя межвузовского чемпионата Санкт-Петербурга по греко-римской борьбе. Идите, минхерц, куда хотите. Хучь в парходство, хучь в бандиты. 1993 год, все отечественные судоходные кампании либо развалены, либо влачат жалкое существование. Бандиты отстреливаются государством и друг другом. Юра решил быть скромнее и встал во все круинги, какие только нашел, на учет. Спустя год случайных заработков и съемных квартир, он понял, что работы так не дождаться, цвет диплома работодателями не очень учитывается, а драгоценный опыт обрести негде.

Работа в кафе и ресторациях, типа «Дружбы» на Невском, «Флоры» и «Фортеции» на Горьковской, «Вены» на Ломо сводила скулы от тоски. Может быть, администраторы или владельцы этих заведений и чувствовали себя не в пример лучше, но простому швейцару, тире гардеробщику, было нелегко. Дружеские объятия с полупьяными знаменитостями и чаевые не могли затушевывать того, что должность эта, по сути – для слуги.

Однако вдруг предложили ему съездить на судно под либерийским флагом в качестве кадета. Зарплата самая маленькая, но вполне сопоставимая по размерам с той, что получал в Смоленске отец. Так и началась морская карьера.

Ступени до второго механика были затяжными, но, поднимаясь на борт «Меконга», Юра был уже мудрым и опытным в морской практике. Можно было, по большому счету, дипломироваться на деда, но делать этого не хотелось. Он все-таки добрался до финального, дипломного аккорда в ЛИИЖТе, правда, заочно. Купил и обставил в родном Смоленске новую трехкомнатную квартиру, как говорили, улучшенной планировки. Теперь можно было устраиваться на работу дома, на железной дороге. Ему очень помогал отец, с матерью лишь только временами созванивался, брат сделал карьеру программиста и тоже жил отдельно. Можно было создавать семью, оставался последний рейс на пресловутом «Меконге». А там – диплом и свобода.

Но, бросившись в машинное отделение прямо с обеденного стола, Юра понял, что последний рейс затянется. Давным-давно он видел картину, где разбойники с лицами статских советников, как их себе он представлял, терзают беззащитных путников, выдернутых из перевернутой кареты. «Пошаливают» – называлась картина. Вот в этом регионе он знал, поблизости живут шалуны – негры, и теперь, скорее всего, можно было писать уже другую картину: «Пошаливают – 2» с несколько морским уклоном.

Баас только беспомощно разводил в стороны руками и чесал свой внушительный живот. Юра решил действовать: когда на мостике выставили питч (винт регулируемого шага) в нулевое положение, то есть судно легло в дрейф, переключил управление на машинное отделение и врубил полный ход. Зачем он это сделал – он не знал. Просто из вредности, наверно. Сам же бросился к трапу, что вел к выходу на главную палубу. Басу сказал:

– Я тебе их буду сбрасывать, ты лови и бей по башке вот этим разводным ключом. Черепа у негров, надо думать, не резиновые, к такому обращению не привыкшие. Понял?

Стармех, конечно, все понял, но виду не показал. Однако от ключа не отказался.

Когда первый черный и лоснящийся бандит сунулся автоматом вперед в дверь, Юра дернул его что было силы за автоматное дуло на себя. Железо обожгло ладони. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль: «Автоматом только что пользовались. Что они – всех перестреляли?» А негр уже врезался головой в переборку и кубарем покатился по трапу вниз. Юра очень понадеялся, что Баас встретит захватчика, как положено. Второй, подлец, оказался более вертким, но все равно улетел вниз, правда, не расставаясь со своим оружием. Ладно, стармех не даст ему опомниться. С третьим не заладилось: он утащил Юру за собой вниз. Больше в дверь никто не ломился, это мимоходом Юра заметил и порадовался.

А потом ему дали прикладом по голове. Как в полусне он защищал голову, другие жизненно важные места. А двое негров, истошно вопя, били его руками – ногами и еще чем попало. Потом к ним присоединился и третий. Очухался, видать, после кувырков по лестнице. Рядом стоял стармех Баас и рыдал, дрожа кистями заломленных то ли в мольбе, то ли в судороге рук.

Юра думал, что его убьют, но бандиты потребовали, чтобы он обслуживал главный двигатель во время их загадочных маневров. Когда же поступила команда «стоп машине», Юру одним из первых загнали в румпельное отделение, несколько раз для остротки сунув прикладом по ребрам.

4

– Я-то думал, Баас, неукротимый голландец, передумит по очереди всех, кто попадет к нему в объятия, – говорил Юра старпому, между делом ощупывая свое лицо. – А он, подлец этакий, на первого, скатившегося ему под ноги в обнадеживающем бессознательном состоянии, даже газеткой махал. В чувство приводил. А потом, когда они меня мутузили, только вздыхал, как слон Хатхи из Маугли, и причитал: «Мы сдаемся, сдаемся!» Это они сдаются. Мы же – никогда! Точно?

– Точно! – кивал головой Пашка. – Вот только кадета жалко – подстрелили его не по делу. Когда ты управление на машину взял, только три этих урода на судно успели забраться, остальные еще по своим лестницам карабкались. Те, что на веревках, как обезьяны на лианах болтаются, кричат что-то недовольно, в море норвят обвалиться. Пока там их катера скорость набирать начали и к судну пристраиваться, наверно уже полные штаны себе наложили. Ну, а те, что у нас уже обретались, сразу палить давай во все стороны. А тут кадет, как дурачок, из надстройки на шум выглянул. Ему бы на старших коллег посмотреть, которые оцепенели после моей объявления об атаке террористов. Так нет – интересно ему стало! Вот и получил рикошетом пулю в задницу!

– Слушай, Паша! – сказал второй механик. – Как художник художнику скажи мне: ты Родину любишь? Готов за нее жизнь отдать?

Старпом засмеялся:

– Что узнать-то хотел? Поди, оклад мой интересует?

Юра прекратил трогать себя за лицо и горестно вздохнул:

– Могли бы мы от этой напасти отбиться? А?

Пашка прищурил глаза, сжал кулаки и отвернулся к переборке. Наступило молчание, только урки, не способные переносить тишину, бормотали друг другу что-то вполголоса.

– Вообще-то, да! – наконец, произнес старпом. – Во-первых, нельзя было никому расслабляться, пока этими местами передвигаемся. А мы – сидим все вместе, кушаем. Надстройка не задраена, вахтенные не выставлены, даже пожарные шланги не разнесены для отражения возможных атак. Во-вторых, ну, напали они на нас. С оружием, гранатометами – все, как положено. Пусть даже что-то типа крупнокалиберного пулемета у них имеется. Пусть! Но наш борт-то надводный! Три метра ползти надо, чтобы перелезть на палубу. Даже несмотря на то, что голландские проектировщики, суки, вместо фальшбортов леера тянут, восемь человек с четырьмя брансбойтами могут контролировать весь пароход, укрываясь за толстыми плитами бака и надстройки. Стрелять захотят негры сраные? Извольте! Снизу вверх, сектора упираются в небо. Или ловите рикошеты от корпуса. Гранатометом пнуть? Если не кумулятивные патроны, то сталь толщиной в палец, даже если она и китайская, под тем же углом способна переправить гранаты куда подальше. В надстройку стрелять? Пожалуйста! Рубку разворотить, валовую линию перебить, в каютах пожар устроить? То есть лишить судно управляемости, или вообще уничтожить. Тогда какой смысл его захватывать? Разве выкуп платят за утонувшие пароходы? В-третьих, залезать на борт все равно придется по веревкам, либо каким-то приставным лестницам. Не будем же мы им генеральный трап спускать! Пусть попробует самый цепкий негр за канат свой цепляться, когда по нему бьет направленная струя из пожарного гидранта силой в шесть бар. А там, глядишь, подмога к нам подоспеет. Америкосы, либо наши, отечественные.

Пашка махнул рукой и опять отвернулся к переборке.

– А вот я однажды в прессе прочитал рассказ. Газета, конечно, полный отстой, но заметка была интересная. Я тебе сейчас ее перескажу близко к тексту. Там как раз про этот Баб-эль-Мандеб один парень пишет. Правда, в те времена у этих сомалийцев оружия было еще не так, чтобы много. Короче, слушай, – сказал Юра и поведал историю, называвшуюся «Крысары Баб – Эль – Мандеба», очень точно запечатлевшуюся в его памяти:

«Океан укрылся ночью, мы с фиттером (слесарем – сварщиком) сидели перед надстройкой контейнеровоза «Германа». Где-то по корме трепетал Либерийский флаг, больше похожий на тряпочку – экваториальная жара и влажность побеждают любые тайды и ассы. У нас с Сашей тряслись руки. «Надо хлопнуть вискаря», – предложил он. С моей стороны возражений не последовало.

Наше судно, загрузившись в Малайзии всякой лабудой, шло на Средиземку. Конечно, принимались стандартные меры против пиратства в Малаккском проливе (наблюдение, связь), но бог миловал, пронесло. На рейде Сингапура, где мы получали снабжение, на борт залезали во множестве весьма сомнительные торгаши, воодушевленно выпытывающие у экипажа, много ли золота – брильянтов везем, сколько баксов в судовой кассе, какая ценность в грузе и т.д. Так мы и проехали без эксцессов мимо грозных малайских флибустьеров, прошли Индийский океан, вот-вот собиравшийся разразиться жесточайшими муссонными штормами.

Этим вечером мы с Сашей – фиттером вышли полюбоваться на закатный зеленый луч. Судно плавно вписывалось в Баб – Эль – Мандебский пролив: слева Сомали, справа, стало быть, арабы. Мирный пейзаж рассекла веревка с ржавым крюком на конце, который, коротко лязгнув о металл, зацепился за фальшборт. Потом другая, третья. Мы стояли поблизости, поэтому подпрыгнули от неожиданности так высоко, что приземлились на палубу уже рядом с abordажными крючками. Перегнулись через борт и узрели белые зубы, белые глаза как-то конвульсивно приближающиеся к нам по пеньковому тросу.

Самое сложное в любом поступке, да и вообще в любом деле – это принять решение. Правильное, неправильное – время рассудит, но попробуй вывести себя из состояния «стояния». Какие потуги нужны! Мы-то мгновенно оценили наших визитеров. И понадобилась целая вечность, пока я выдавил из себя: «Разрешаю мочить козлов». Саша после этого без паузы взревел: «Мочи козлов!!!» Выполнил распоряжение старшего механика, так сказать. Негр (конечно же, негр, мазефака!) перестал трясти свою грязную веревку и испуганно рухнул на головы корешей. Кореша возбужденно взвыли.

До палубы с лодки примерно четыре метра, мы шли полным морским ходом, следовательно, им приходилось достаточно виртуозно маневрировать, чтоб самим не оказаться в бедственном положении. Это значит, для противодействия есть время. Недостаточное, чтоб поднять тревогу на судне, но вполне, чтоб брать из ближайших судовых ящиков вистлоки (4-хкилограммовые железные штуковины для крепления контейнеров) и бросать черным парням пасы на голову. «Саша, – говорю, – беги звонить на мостик». «Яволь», – ответил он и растворился в сумраке.

Сам я начал чувствовать себя хозяином положения: негры упрямо карабкались со своими ножами на борт (огнестрельное оружие у них, по всей видимости, не водилось, иначе палили бы, как «салют, Мария»), я прицельно бил по ним с обеих рук. Кто-то снизу бросил в меня свой нож, длиной в локоть. Ножик перевернулся в воздухе и возвратился к своему хозяину. Раздался сдавленный крик. Радости в нем я не услышал. Наконец, осознав свой неуспех, морские разбойники решили ретироваться, обрубив концы. Мне уж хотелось запеть победную песнь, как вдруг вместе с холодным потом накатилась мысль, что такие пираты поодиночке на суда не нападают. Правый борт мы защитили от посягательств, но левый-то оставался беззащитен!

Залез на крышку трюма и с облегчением увидел знакомую пузатую фигуру, которая сноровисто таскала к фальшборту талрепа (полутораметровые металлические крепления контейнеров между собой) и сбрасывала их за борт. Умница, Саша, опытнейший 50-летний моряк, не оставил неграм никаких шансов побеседовать с большими белыми братьями.

Потом мы уже вдвоем стояли на крышке и, тряся кулаками во все стороны света, кричали: «Мочи козлов!» и еще: «Привет из Олонецкой губернии!», а также: «Врешь, не возьмешь русских моряков из Севастополя!» Поднявшаяся луна отражалась в Сашиной лысине, рождая крохотные блики, которые казались живыми».

– Ну, а дальше там все радуются и танцуют, заканчивают свои контракты и разъезжаются по домам. Такая вот байка.

– Что за газета такая тискает на своих страницах такие перлы? – поинтересовался Пашка. – Просто авангард какой-то, почти андеграунд.

– Да название такое лихое – ты не поверишь. Поэтому-то я ее и взял почитать с собой в одно место, – ответил Юра. – «Сосёд» называется.

– «Сосёт»? – засмеялся старпом.

– Ага. Именно. «Сосёд» и баста. Там еще заметки такие были, типа «Я не хочу жить в жопе» с загадочной сутью.

– Так не живи! – смеялся Пашка. – Чего в попу-то кричать? Крутизна! Вот это – сила! Наверно, самая желтая из всех желтых газет.

Урки в своих гнездах сначала затихли, прислушиваясь к смеху старпома, потом сами начали робко улыбаться. Через некоторое время и они хохотали во все горло.

Через несколько минут, отсмеявшись, народ затих. Стало снова относительно тихо, слышно было лишь, как за бортом булькала вода, да стон кадета, видимо, неловко пошевелившегося.

Внезапно распахнулась дверь, и в проем шагнул старший механик. Он возник, словно из ниоткуда: ни шагов, ни звуков ключа в замке. Будто бы все это время стоял за дверью. Ухмыляющихся черных парней с автоматами, конечно, в полумраке никто и не заметил.

Баас сокрушенно развел руками в стороны, поджал губы, покивал головой и пошел к своему гнезду.

Стармех

После своего первого и последнего развода Питер Баас недолго оставался холостым. Точнее, днем позже он вместе со своей новой подругой, нисколько не печалась, сочетался узами законного брака. Если прежняя жена была всего на три года моложе его, шестидесятилетнего старого морского волка, то нынешняя была ровесницей его тридцатипятилетней дочери.

В свое время, полтора года назад, они познакомились в клубе анонимных алкоголиков. В этот клуб Баас удрученно вступил, поддавшись уговорам жены и детей. Они почему-то решили, что его надо лечить. Отдав всю свою жизнь морю, он привык, что утро начинается с пары банок пива, ночь ставит точку финальным глотком еще пары банок. Между этими двумя вехами оставались раздавленными еще пара десятков жестянок. Иногда к этой норме еще добавлялась пара добрых стаканчиков виски, либо водки. Такое вот «пара»нормальное влечение к спиртному. Но вряд ли это – алкоголизм. Большой живот и некоторая одутловатость лица – разве повод объявлять кого ни попадя пьяницей?

Однако, как выяснилось, самое тяжелое в этом клубе было сказать: «Здравствуйте. Я – Питер Баас. Я работаю в море старшим механиком. И я алкоголик». Ему удалось произнести эти кодовые слова лишь только со второй попытки. Зато сразу после этого вся неловкость куда-то пропала, словно наконец-то попал в общество единомышленников. Можно было молчать в свое удовольствие, можно было сострадать своим коллегам, которые изливали свое отношение к «зеленому змию» в благодарные уши соучастников. А можно было и пропустить пару бокалов пива после очередного заседания клуба в соседствующем баре. Немного угнетали попытки кураторов их группы показать фотографии или видео каких-то недоразвитых и слабоумных людей, плодов, так сказать, алкоголизма. Но ни себя, ни кого из коллег к реальным алкоголикам он не причислял. У них был просто клуб по интересам.

Эти настроения разделяла и Марианна, совсем еще молодая девушка, самозабвенно влияющая в себя любой спиртосодержащий состав. Что там произошло в ее жизни, Питер не спрашивал, она сама никогда не вспоминала. Они все чаще пили пиво вместе, говоря ни о чем: о футболе, о книгах, о фильмах, о музыке. А нередко – ограничиваясь только незамысловатым тостом под очередной бокал. Баасу было приятно пить не в одиночестве, Марианне – тоже.

Жена Питера совсем увлеклась здоровым образом жизни, дети, занятые своими делами, вяло укоряли. В море было просто, там не пить было нельзя. Ежедневный стресс лечился только алкоголем. К тому же это нисколько не мешало работе: второй механик контролировал весь рабочий процесс, мотористы – филиппинцы поддерживали относительную чистоту.

Баас знал немало по своей специальности, но чем меньше на флоте оставалось голландцев, тем больше он предпочитал отмалчиваться, случись какая проблема. Русские все равно смогут сами разобраться во всем. Он считал русскими и граждан России, и граждан Украины. Ему было иногда даже смешно, как некоторые украинцы, гордо выпячивая подбородки, говорили, норовя постучать для пушей убедительности себя в грудь кулаком, что они – другие. Нравится им играть в независимость – пусть играют.

С капитанами Питер поддерживал ровные отношения: с пьющими голландскими руководителями запросто выпивал, непьющих – избегал, на поляков, редких болгар и румын не обращал внимания, все больше распространяющихся по голландскому флоту хохлов – презирал. Любые самые свирепые проверки береговых властей без колебаний и излишнего стеснения перекладывал на плечи второго механика. Тот, бедный, в страхе за свое рабочее место делал все мыслимое и немислимое, чтобы избежать любого замечания. Самому же Баасу терять ровным счетом было нечего, поэтому он не торопясь поднимался в свою каюту и в два глотка выпивал очередную банку пива. В города теперь он не выходил, но механический народ и на вахте его в одиночестве не оставлял.

Второго механика Юру он уважал: тот был чрезвычайно смышлен, английским владел, пожалуй, даже лучше его самого, не чурался выпивок и приглашал участвовать в них деда. Когда Юра рассказывал про свою страну, Баас просто диву давался, какие чудеса у них там творятся. Втайне от всех, в том числе и от себя, Питер очень уважал Советский Союз, каким он был во времена его молодости. Нет, коммунистам, конечно, он не сочувствовал, просто симпатизировал советской науке, хоккею и балету, а также всей мощи военной машины. Когда же до него дошел слух о грядущих переменах в самой большой стране мира, Баас расстроился.

Неужели они, дуралеи, не понимали, что та мифическая свобода, которой они у себя грезили, обернется еще большей свободой карательных органов? Если простому человеку дадут возможность выбирать между партиями, разрешат верить в Бога, смотреть и читать по личному желанию, то таких же прав не будет у системы? Их милиция получила свободу в квадрате, их суды – в кубе, их телевидение и пресса – в четвертой степени.

Баас только усмехался про себя, когда Юра, или кто другой рассказывали про «беспредел ментов», как они это называли. А что вы хотели, ребята? Есть выбор купить хорошую машину – это твоя свобода. А дорожная милиция тоже свободна. Штат ее вспух до чудовищных размеров. Им-то наплевать на твою безопасность. Они заинтересованы как раз в нарушениях. Потому что существуют почти на самофинансировании. Зарплата – это так, страховка. Главное – чтоб не иссяк поток нарушителей. Если таковых нет, то они легко выдумываются. Куда побежит свободный человек, обладающий хорошей машиной? В свободный суд. Свидетельские показания самого захудалого полуграмотного мента пересиливают все показания очевидцев, расчет, избобличающий ложь человека системы, штамп в паспорте, что в данный момент ты был не в данном месте, а вовсе и за границей. Суд-то ведь тоже свободен.

А еще некоторые придурки возмущаются, что к русским за границей относятся, как к собакам в многоквартирном доме после десяти часов вечера: лишены права голоса. Да им самим на их родине разрешается гавкать лишь до определенного времени, а вот членораздельно говорить – это табу. На человеческом языке общаются лишь люди системы. Свобода, твою мать!

Питер однажды любопытства ради дома уже посмотрел каналы свободного российского телевидения. Маргинальные новости, сериалы про бездельников, где смеяться можно по команде голоса за кадром, тошнотворные песни блюющих пошлятиной и матом певцов и певичек, девка с лошадиной челюстью и захлебывающийся своими словами парень – лица свободного российского эфира. Кошмар! Как они такое смотрят? Он приличия ради пошелкал своими каналами и сразу же испугался. То же самое. Поинтересовался у Марианны: такое было всегда? Та в ответ только пожалала плечами и щелкнула пультом на 24 часовое вещание про футбол. Да, вот так-то лучше. Питер налил себе изрядную долю виски, и спокойствие начало подниматься с каждым глотком из глубин желудка куда-то к сердцу и мозжечку. Можно еще переключиться на старый добрый рок, послушать Nazareth, Van Hallen, или Chickenfoods, к примеру. Он вздохнул с облегчением: нет наше телевидение пока еще не такое свободное, как у русских.

Про свободу слова он думать уже не стал. Самая свободная пресса – эта та, что всплывает в воде наверх, угодная системе. Та, что в глубине, останется навеки там блистать лучами непризнанных талантов: самой не подняться – слишком тяжела, руку помощи система не протянет. Давись, народ Михаила Булгакова, Алексея Толстого, Владимира Михайлова жвачкой для глаз! Жуй и тупей! «Почитатели Казанцева – прошу в сад!»

Питер Баас не уважал революционеров: всяких там Че, Вову Ленина, Чанкайши и иже с ними. Он любил покой. Когда же второй механик ускакал с обеда в машинное отделение, дед с тоской понял, что его спокойствие кончилось. О том, что случилось, он не думал, даже не представляя все несчастье, обрушившееся на них. Баас старался заглянуть в глаза бледному Юре и при этом развести руки как можно шире: что же делать?

Неистовый русский сунул ему в руки новенький разводной ключ, сказал бить всех негров по голове и забрался по трапу к выходу из машинного отделения. Дед закивал головой в ответ, типа, понял все, но откуда же здесь могли взяться черные?

Первый оборванный чернокожий прилетел к нему в объятия в бессознательном состоянии, не касаясь ногами ступеней. Баас еле успел его поймать и осторожно опустить на палубу. Лупить по голове бесчувственное тело рука не поднималась. Пока сверху происходила какая-то возня, Питер, непроизвольно схватив лежавшую на коробке газету, начал обмахивать ею тело. Потом прямо к нему на спину прилетел еще один пришелец и больно ткнул под лопатку какой-то железякой. Тяжело поднимаясь с колен, старший механик заметил, что это автомат и удивился: зачем он нужен этим жалким и оборванными личностям. Найти ответ на столь важный вопрос он уже не успел: по трапу кубарем скатился второй механик в обнимку с тощим и скалящим свои треугольные зубы незнакомцем. Баас не смог как следует удивиться этому, потому что успевший очухаться черный парень, первый оказавшийся в машинном отделении, живо подхватил валяющийся автомат и прикладом въехал в голову Юре. Русский завалился навзничь, но все равно попытался перекатиться со спины на колени, зажмурив при этом глаза. Наверно, из них сыпались искры, потому что движения Юры были какие-то заторможенные. Оборванец же навел автомат на Бааса и закричал, заулюлюкал высоким голосом. Его коллеги, приходя в себя, первым делом начинали лупить второго механика руками, ногами и прикладами. Потом направляли на деда дула своих автоматов и трясли ими, как в параличе.

Питер все время повторял, переходя на шепот и снова в голос: «Мы сдаемся, сдаемся!» Но негры продолжали бить русского, и у Бааса по щекам текли слезы, он сгибал в локтях поднятые в интернациональном жесте руки и содрогался от рыданий.

Однако кто-то из бандитов перешел на английский. Конечно, стихи Киплинга декламировать он не стал, просто сказал два слова:

– Судно. Стоп.

Стармех отрицательно замотал головой и указал на лежащего в позе зародыша Юру.

– Он. Уметь. Хр-хр-хр-хр, – последние слова он проговорил уже по-голландски. Это получилось непроизвольно, и Баас удивился себе, что помнит еще ту детскую нецензурщину, которой они баловались, если заходили разговоры о немцах.

Юра, морщась и вздрагивая всем телом от боли подошел к рукояти пистолета и начал медленно и плавно останавливать паром.

– Ну вот, побаловались, – усмехнулся он, вытирая тыльной стороной ладони кровь с рассеченного лба. – Зато не обидно. Если бы менты лупили – было бы горько: сограждане, как-никак. А это все – плюнуть и растереть. Страховка. До свадьбы заживет.

Баас не понял ни слова, но попытался в ответ улыбнуться и кивнуть головой. Юра, отыраясь, только пожал плечами.

Позднее, сидя в своем гнезде в румпельном отделении, Питер чувствовал себя виноватым. К тому же очень хотелось выпить. Пива, виски, водки – да хоть чего-нибудь градусосодержащего. Столько часов без любимых напитков – это, пожалуй, рекорд многих десятков последних лет. Впрочем, никакой отчаянной ломки он не ощущал. Так, наверно, должен себя чувствовать заядлый курильщик во время перелета из Европы в Америку: терпимо, не смертельно, но помнится всегда.

Дед не мог понять, чего же он не скрутил хотя бы для профилактики того черного парня, свалившегося к нему в объятия без чувств. Он поднял с палубы завалившийся десятисантиметровый кусок железного прутка диаметром в мизинец и, воровато оглядевшись, чтоб никто не видел, согнул его уголком. Сила, вроде бы осталась. А вот решимости – никакой. Народ в это время увлеченно разбирался с капитаном Номенсенем. Питер пропустил начало шоу, увлекшись своей железякой, поэтому даже вздрогнул, когда капитан бросился к нему за поддержкой.

Когда же Нема предложил ему поучаствовать в переговорах, то внезапная надежда по пути перехватить в своей каюте пивка загорелась зеленым светом для входящего на переход автострады пешехода. Гораздо больше шансов перейти на другую сторону, нежели уехать куда-нибудь на колесе проезжающей машины.

Подымаясь по трапам на мостик, перед дверью в свою каюту Баас отчаянно замахал рукой. Его движения можно было трактовать, как попытка изобразить удачливого рыбака, подсекающего свою золотую рыбку, или, как воспоминания о судорожном жесте футбольного арбитра, показывающего всем игрокам одну единственную желтую карточку. Негры, теряя трусы, сразу насторожились, пытаясь одновременно держать нацеленными в пузо стармеха автоматы и не потерять при этом предметы своего вечернего туалета. Главарь вопросительно поднял одну бровь.

– Мне на одну минутку, – сказал Баас, и в животе у него угрожающе заурчало. – Я только проверить.

Что он собирался проверять – осталось тайной. Но вожак неожиданно разрешительно кивнул головой.

Лучше бы Питер не заходил к себе. То жестокое разочарование можно было сравнить лишь с заглядыванием утренней порой в свой холодильник, когда ему только прописали общество анонимных алкоголиков.

В холле каюты было неуютно: казалось бы – ничего особо дизайнерского в холодильнике, телевизоре, аудиосистеме, DVD-плеере не было. Но вот отсутствие их на своих местах придавало некогда жилому помещению вид предбанника вокзального туалета. Картину мерзости запустения дополнял какой-то оскалившийся в тревожной дреме маленький негр, распростершийся на большой стармеховской кровати в спальне. И все бы ничего, да одна рука у него была отвратительно высохшей, а на трусах и простынях приветственно темнело насыщенное влагой пятно. Да и это бы можно было пережить, только вокруг, о, ужас, валялись раздавленные и безнадежно пустые пивные банки.

Баас растерялся: все его надежды разрушились в один миг. Он беспомощно взглянул в настенное зеркало и вздрогнул от неожиданности. Оттуда на него глядел печальным взглядом незнакомый старик.

«Да это же мой покойный дед!» – подумалось ему, но тут капитан просунул голову в дверь и сказал:

– Давай выходи быстро! Эти господа уже начинают нервничать!

Питер, совершенно подавленный, вышел из некогда своей каюты, посмотрел на направленные на него автоматы, поднял руки кверху и обреченно, как на расстрел, начал подниматься в рубку.

– Руки! – прошипел ему вслед Нема.

– А? Что? – спросил, не оборачиваясь Баас.

– Руки опусти, болван!

Стармех опустил руки, но разместил их теперь, как заключенный – сцепив кисти в замок за спиной. Капитан только досадливо прошипел что-то неразборчивое.

Пока вальяжный и уверенный в себе главарь что-то объяснял подобострастно кивающему ему в ответ капитану, Питер, присев на диван у штурманского стола, весь погрузился в неприятные думы.

«Как же так? – размышлял он. – Пиво мое они все выжрали, хотя для них это было вовсе уж и необязательным. Чем они там надираются? Пожуют, пожуют каких-то стручков, потом плюнут все разом, всей деревней в один чан и дают забродить. А дальше уж надираются, как сволочи. Им-то какая разница: чужие слюни глотать, или «Варштайнер»? Наверно, пили и морщились, гады. Попросили бы нас, мы бы за четыре дня не один бак от нечего делать наплевали бы! А ведь действительно – четверо суток мы в румпельном уже просидели! Без душа и без

бритвы уже превратились, вероятно, в дикарей. А себя вот я, оказывается, и не узнал. Никогда не думал, что у меня растёт совершенно седая борода. А усы еще черные. Действительно, на деда своего стал похож, царствие ему небесное. Почему они заставляют нас жрать эту верблюжатицу? Сдается мне, они тоже какие-нибудь верующие. Судя по достатку – мусульмане. Все же мы, хоть христиане, хоть, извините, муслимы, живем по Господним заповедям, которые сказал Моисею Бог. Дай бог памяти, есть нельзя верблюдов, тушканчиков, зайцев и свиней. Из-за того, что копыта у них раздвоенные, и они жуют жвачку – они нечистые. Их и трогать нельзя. Свинья не жует жвачку, но копыта у нее действительно – того! Верблюд – понятно – жует себе и в ус не дует. Что он предпочитает: Стирол, или Ригли? А зайцы и эти, как их там, тушканчики – у них что не в порядке? Да, надо Библию почитать, когда вернусь домой».

И тут Баас даже мысленно не сумел задать себе вопрос, само существование которого заставило его моментально вспотеть: «А вернусь ли я домой?»

Он сжал виски ладонями и постарался отвлечься.

– Да, судно в полном порядке. Никаких повреждений нет, – вещал в это время в телефонную трубку подобострастно изогнувшийся капитан.

Негры-автоматчики изображали решительность, наставив на него дула своих «калашниковых». Главарь, скрестив руки на груди, мрачно вслушивался в каждое слово.

– Нет, груз не поврежден, – убеждал неведомого собеседника Нема.

Баас посмотрел в окно и увидел, как негры потрошат контейнера, выискивая в них нечто им необходимое. Под бортом копошились, похожие на пироги маленькие лодчонки, на которые и сгружалось все добро. Несколько человек дралось на крыше верхних контейнеров. Вооруженные огнестрельным оружием люди стояли по бортам, те же, что выясняли между собой отношения, были, если так можно сказать, безоружными: они тыкали друг в друга ржавыми ножами угрожающих размеров.

– Да-да, – ласково стелился капитан. – Весь экипаж жив и здоров. Раненных и больных нет. Питание вполне приемлемое.

Питер подумал о раненном в ягодицу кадете, о желто-черном от синяков втором механике и вздохнул. Может быть, так говорить требовал главарь этих бандитов, а может быть это была уже инициатива самого Немы. Этот сволочной свод правил и наставлений АйЭсПиЭс расписывал поведение в подобных ситуациях. Получение повреждений и травм – это следствие невыполнения каких-нибудь норм. Стало быть, нарушение закона. Значит, сам виноват. Кукиш тебе, а не страховка.

Один черный ловкач на контейнере виртуозно ткнул своего оппонента ножом куда-то в область кадыка. Острие клинка вышло у менее удачливого бойца со стороны спины. Но победитель несколько замешкался, пытаясь вытащить увязшее в теле оружие, одновременно уворачиваясь от фонтана крови, брызнувшего из перебитой артерии. Тут уж и ему дал по шее подобием мачете случившийся рядом оборванец, вроде бы и не принимавший участие в драке. Оказалось, очень профессионально полоснул: голова у несчастного охотно отвалилась и укатилась с контейнеров вниз, на палубу и там заткнула собой, как пробка, один из шпигатов. Кто-то из охранников в возбуждении пальнул из своего карамультука в воздух. Звук выстрела был такой, как будто стрельнули из пушки. Да что там пушки – гаубицы.

Нема, уронив телефон на палубу, присел на полусогнутых ногах и вцепился в свои штаны. Главарь указал своему подручному на дверь наружу и поднял трубку. Пока его помощник визгливо каркал что-то вниз, потрясая для убедительности автоматом, он объяснил в телефон, что поблизости просто сильно хлопнули дверью, так что все в порядке. Потом передал трубку обратно капитану.

Баас несколько не удивился увиденному: лежат себе спокойно два мертвеца, один, к тому же, без головы. Ему было просто трудно осознать, что это все происходит на самом деле. Были люди несколько минут назад полны жизненных сил, а теперь уже лежат мертвее некуда.

Да, такое порой случается. Но, чтобы на твоих глазах! Нет, это все неправда. Это всего лишь болезнь, о которой предупреждали еще на курсах начинающих алкоголиков. Энурез, педикулез и белая горячка.

Капитан в это время прикрыл микрофон телефона ладошкой и вопросительно уставился на главаря.

– Они просят, чтобы еще кто-нибудь из членов экипажа поговорил с ними.

– Ну так пусть старший механик разговаривает, – кивнул вожак, и Нема на полусогнутых подошел к Баасу.

– Пожалуйста, не говори лишнего, – прошептал он и отдал трубку.

Питер старательно прокашлялся и только потом прижал телефон к уху.

– Але! – сказал он по-голландски.

Голос, в котором он предположительно узнал главу по всяким чрезвычайным ситуациям компании, невозмутимо спросил на английском:

– Позвольте узнать, с кем я говорю?

Во дает, старина Хартвельд, будто в экипаже еще кто-нибудь может говорить по-голландски? Недостаточно ему слова на родном языке.

– Але, – снова повторил дед, уже по-английски.

– Кто это?

– Это я, старший механик Питер Баас, – начал, было, он на родном наречии, но капитан при этом страдальчески закатил глаза, а главарь бандитов одними губами произнес: «На английском!»

– Привет, Питер! – ответил Хартвельд. – Мне представляться, надеюсь, не требуется.

– Нет.

– Отлично! Как твои дела?

Баас скривился, как от зубной боли, но проговорил:

– Хорошо! А как ты?

Но тот проигнорировал вопрос, поинтересовавшись:

– Ты подтверждаешь все то, что говорил только что мастер Номенсен?

Дед хотел, было, поинтересоваться, о чем же таком наплел капитан, но передумал. Посмотрел в окно, проводив взглядом перегружаемые на пироги тела, и ответил:

– Я не хочу ни о чем таком говорить. Просто вытащите нас отсюда поскорее. Пожалуйста.

Затем протянул трубку обратно капитану и уставился себе под ноги.

Но телефоном завладел главарь и тоном, не терпящим возражения, заговорил:

– Надеюсь, мне не стоит говорить обо всей серьезности наших намерений. Итак, наши условия вам известны. Даю вам время до завтра. Завтра совместно с вашим капитаном мы снова будем связываться с вами. Постарайтесь подойти к делу конструктивно. Чем быстрее вы решите вопрос с деньгами, тем быстрее судно получит свободную практику и возможность отработать потраченные деньги.

Нажал на клавишу отбоя и кивнул автоматчикам. Те оскалились и снова схватились за свои автоматы.

– Господин переговорщик! – внезапно заговорил капитан. – Позвольте нам со старшим механиком не идти ко всей команде. Мы уже достаточно пожилые люди. Вреда вам никакого не принесем. Пожелаете – запирайте нас в каютах.

– Я вернусь к экипажу, – сказал Баас и без приглашения пошел к двери.

– Старый пьяница, – бросил ему в спину Нема. – А мне разрешите остаться в какой-нибудь каюте.

Главарь коротко усмехнулся и милостиво смежил веки: пусть капитан будет где-нибудь поблизости.

Старпом и второй механик переглянулись, все-таки любопытно было узнать, до чего же договорились отцы-командиры с оккупационными властями. Но Баас угрюмо молчал, а душа-капитан из-за двери так и не появился. В воздухе повис призрачный вопросительный знак, плавно передвигающийся от одной группы людей (филиппинцев-урок) до другой (русскоязычной двойки офицеров). Но никто не решался добавить к этому знаку свое предложение.

Застонал кадет. Нахождение в румпельном отделении столь длительный срок явно не способствовало его скорейшему выздоровлению.

Словно, решив, что ему наконец-то задали этот вопрос, Баас заговорил:

– Они только сейчас связались с Хартвельдом. Будут требовать выкуп. Пока никаких решений не принято. Завтра будут снова переговариваться. Еще никаких угроз не объявлено, так что никого убить не собираются. Подождем.

Все единодушно вздохнули. Точнее, выдохнули, потому как все долгое и утомительное выступление стармеха боялись дышать.

– А, – тонким голосом сказал кадет.

– А капитан остается поблизости от телефонного аппарата на случай внезапного контакта, – сразу откликнулся Баас.

Все разом пошевелились. Все стало понятно. Хоть теперь нелепая безвестность подошла к концу.

– Завтра мы погрузимся во мрак. Может быть, конечно, уже сегодня. Топливо в движки-то никто не подкачивает! – сказал Юра. – Неужели они не понимают, что электричество само по себе не возникает?

– Нет, эти не понимают, – вздохнул старпом. – Предел их мечтаний – автомат. Остальное возникнет само по себе.

Когда-то не так уж и давно довелось ему побывать с рабочими, так сказать, визитами в двух странах, расположенных на одном острове посреди Карибского моря. В Доминиканской республике черная братва улыбалась также широко, как и в соседствующей Гаити.

Доминиканцы охотно предлагали белым парням недорогое такси: хоть в магазины, хоть на пляжи, хоть в ночные клубы. Их улыбки подразумевали собой, что степень отдыха может колебаться лишь только от количества американских рублей. Чем больше долларов ты готов выложить – тем радушнее, веселее и изобретательнее делались таксисты. Они же и гиды по совместительству. Пашка за пять условных единиц народного американского банка всей Земли съездил на ночное купание (правда, можно было и пешком дойти до залитого приятным искусственным светом водоема, являющего собой истинную составляющую Карибского моря), выпил бокал пива с орешками и еще поговорил минут пятнадцать с домом.

Через день случилось Гаити. Агент рекомендовал воздержаться от выхода на берег, тем более, что надвигался тропический вечер. Конечно, если ты Джеймс Бонд из «Кванта милосердия», то можно попытать судьбу. Вокруг порта прогуливались такие же улыбчивые негры, но что-то в их оскалах было неправильное. Дети освободительных революций и народных фронтов сопротивления могли улыбаться только в случае мечтательных планов об экспроприации несправедно нажитого имущества. Этим они и жили, вечным поиском чужого имущества. За это и боролись, начиная с середины шестидесятых годов прошлого века, цели нисколько не изменились по сей день. Не удалось им заманить к себе старину Че. Тот решил: «Ну их нафик, у них даже электричество со дня на день должно закончиться. Если и двигать с родимого острова Свободы, пока Федя Кастро со своим братцем – маньяком не замочил до смерти, то уж не на другой задрипанный остров по соседству, а на материк. Там места побольше и люди пока не очень революционеры».

Электричество на Гаити действительно быстро закончилось, революционеры остались по сей день. Вокруг грязь, мерзость, крысы, отупело сидящие посреди дороги, благодатный

тропический климат: картошку сажай, бананы. Но некогда – на благо народа освободительную революцию надо творить.

Ночью столица погружается во тьму. Будто некий Чубайс у них главарь. Освещается лишь белоснежный монументальный храм посреди города. Там, наверно, сидят иноки и держат оборону, прости Господи, против революционеров. А у тех уже и оружие подходит к концу: поиздержались как-никак за пять десятков-то лет. Вот и становится пределом мечтаний не трактор какой-нибудь, а автомат. Желательно – Калашникова.

Быть революционером легко. Придумал себе идею – и давай бороться. Зато не надо на пропитание зарабатывать: скоро все будет в изобилии. Пострелял в мифического богача, прибил между делом пару – тройку десятков случившихся людей и можно устало пот со лба вытереть: уф, переработался! Чем неграмотней народ, тем легче их заманить в свое движение. У серой массы доминирующим инстинктом является выживание. Вот они и охотнее всего вливаются в стройные ряды революционеров. Днем он – мирный дехканин, тупо смотрит на свою соху: что это такое? Ближе к ночи уже – орел, непримиримый, воин, гроза прапорщиков. Всех убью, один останусь! А вместо подписи – крестик, такое вот недоразумение. Что нам образование – для собак оно, чтоб на луну гавкать, когда на цепи у хозяина сидят.

Грамотеи тоже изредка к революции примыкают, бывает. Стратегии разрабатывают, тактики, пользуются уважением у коллег. Ан – нет! Затосковал чего-то, написал извещение, прости – завещание, в петлю залез, и ногами взбрыкнул. Или полчерепа себе снес. Разочаровался в идее. Особенно, если в это время добровольные помощники, ухмыляясь друг другу, на каждой ноге повисают или ствол направляют в височную кость, чтоб не промахнулся.

Образование и богатство – не две стороны одной и той же монеты, номиналом в «одно благосостояние». Первое, как правило, может быть совсем лишним.

Вот поэтому и рвутся в призрачный мир толстосумов любой голодранец из Гаити, Сомали, Чучни или Индии. В случае успеха они там будут в своей тарелке. Презрение к чужой смерти, абсолютное недопущение своей – велкам в революцию, дружок.

Однако Пашка понимал, что выйти из создавшегося положения им возможно лишь только тогда, когда сами начнут играть по правилам этих революционеров. Это значит уподобиться этим бездумным черным парням с оружием в руках. Ой, как все это неприятно!

Идея того, что их рьяно бросятся выкупать в самое ближайшее время – просто набор слов, не более того. Может быть, за капитана и старшего механика поборются. Они ж граждане Europe Union. За филиппинцев их профсоюз ляжет костями – тоже вероятно. Но они с Юрой вряд ли могут рассчитывать на внимание государственных мужей. Разве что в рекламных целях каких-нибудь. И то, если в ближайшее время намечаются выборы. Но сейчас, вроде бы, с этим загишь. Электорат, так сказать, еще только начал переваривать тех, кого в прошлый раз успел навывбирать.

– Боцман! – окликнул он главаря урчел. – Что там с раной у кадета?

– Ничего особого, – ответил тот. – Выглядит неопасной. Кровь не течет. Повязки чистые меняем каждый день.

– Жить будет?

– Жить будет.

– Чего же он теперь так часто стонать начал? – спросил опять старпом.

Боцман пожал плечами:

– Домой, говорит, очень хочет. Страшно ему здесь.

– Да. Кому сейчас легко, – вздохнул второй механик. – Пусть не унывает. Слышь, кадет – имя твое, прости, не помню? Нельзя впадать в отчаянье. Скоро мы выберемся отсюда. Живыми и здоровыми. Если, конечно, не будем жрать эту отрыжку обезьян. Вернешься ты под жаркое солнце своей Манилы.

– Он с другого острова, – сказал повар.

– Неважно. Будет еще вприпрыжку скакать под своими филиппинскими пальмами, – добавил Юра и про себя, усмехнувшись, подумал:

«Срывать бананы и спать на макушках деревьев, держась хвостом за ветки».

– Питер, – старпом подошел к деду и присел рядом на корточки. – Можешь ты мне рассказать об обстановке в целом?

Баас как-то странно посмотрел на Пашку, словно собака, нечаянно нагадившая полутоннаракилограммовую кучу за шторами в гостиной и теперь, вдруг, почувствовавшая свою вину.

– Я не ожидал, что эти чернокожие парни такие агрессивные. Мне тогда показалось, что Юра убил того сомалийца до смерти, – упрятав взгляд куда-то в палубу, забубнил стармех. – Сейчас бы я вел себя по-другому.

– Там что-то произошло? – спросил Пашка.

– Они убивают друг друга. Запросто, – даже передернул плечами Баас. – Если такое творится у них между собой, то за наши жизни никто не даст и гульдена.

– Что с капитаном?

– Да нет, с ним как раз порядок. Поселился в какую-то каюту. В овнеровскую или лоцманскую. Сейчас, поди, душ принимает.

Пашка усмехнулся:

– Ну, недолго ему с водой нежиться осталось. Встанет аварийник – вода закончится, – он снова посерьезнел. – Удалось рассмотреть окрестности: где мы стоим, пути отхода в море, близость населенного пункта, другие корабли поблизости?

Дед задумался на миг и тряхнул головой.

– Когда я смотрел в окно рубки, на контейнерах разыгралась поножовщина. Кровь, отрубленные головы. Так что я ничего, вроде бы и не увидел.

– Жаль, – Пашка досадливо цыкнул ртом. – Нас ведь тоже при подходе погнали с рубки, чтоб не могли оценить судходную обстановку. Ладно, в следующий раз на переговорах, пожалуйста, посмотри внимательно вокруг.

– У тебя есть какой-то план действий? – округлил глаза стармех. – Это же против ISPS!

– Да не переживай так! Никакого плана нет. Пока, – Пашка поднялся на ноги, собираясь уходить. – Просто должны же мы знать максимум из того, что мы должны знать!

– Постой, – Бааса словно бы озарило. – По нашей корме огромная скала. Точно. Открытого моря не видать. По носу слева камень и справа камень. Мы привязаны к каким-то плавающим бочкам. Чуть подальше у самого берега стоит судно, – он даже зажмурился. Но сразу перед глазами с готовностью вылезли мертвые негры. Однако все же что-то другое тоже успело промелькнуть. – Это яхта. Большая океанская яхта, на каких снимают фильмы и отдыхают богатые парни. Ее тоже пасут автоматчики.

Он замолчал и только развел руками. Исчерпался.

– Ого, – улыбнулся старпом. – Это уже кое-что. Спасибо. В следующий раз постарайся рассмотреть новые детали.

Баас довольный, как получивший похвалу ребенок, стал озираться по сторонам: еще кто заметил, какой он молодец?

Пашка, вернувшись к своему гнезду, призадумался. Сидеть здесь, сложа руки, конечно, можно. Рано или поздно все разрешится само собой. Но, боже мой, как же это скучно! Идеальный вариант – расспросить все у капитана. Но тот, старая сволочь, заподозрит неладное, покушение на устои кодекса мореплавания и так далее и тому подобное. В итоге сдаст неграм из добрых побуждений. А потом, когда те проведут экзекуцию, останется со своей чистой совестью. От таких помощи ждать не стоит.

Рассчитывать можно только на себя, еще на старпома и на бывшего морского пехотинца Пашку. Они не подведут никогда. Триведин в одном лице. Впрочем, Юра тоже решительный дядя. С ним вполне реально разработать стратегию, да и в действии подвести не должен. Вот

урчел бы привлечь! Но они, как и большинство азиатов, склонны к стукачеству. Хотя на самом деле честные и отважные парни. Такие будут биться без страха и упрека. Только стимул бы для них какой-нибудь найти!

Незаметно для себя Пашка заснул, причем даже сладко. Такое уже не случалось давно. Сейчас, видимо, сказалось принятие, наконец, решения. Он проспал, не слыша стонов кадета и далеких воплей не до конца еще убитой сигнализации.

Посреди ночи пришли за дедом. Почему-то именно в это время случился очередной сеанс связи. Это его слегка озадачило: сколько он ни вглядывался в темноту за окном, не видно было вообще ничего. Электричество, похоже, здесь было явно не в почете.

Капитан был бодр и даже радостен. Скорее всего, настроение у него поднялось из-за своего привилегированного положения, даже в условиях плена. Он воодушевленно щебетал по телефону с Хартвельдом, еще каким-то человеком, представителями страховщика и неведомым грузополучателем. Главарь, не допускающий ни у кого ни одного слова, помимо английского, тоже не пытался сэкономить на телефонных счетах. Говорил он уже жестче и не стеснялся на угрозы.

Бааса к телефону не позвали, и он понял, что больше его для участия в диалогах привлекать не будут: вполне достаточно активно борющегося за освобождение судна капитана Номенсена.

Возвращаясь в румпельное отделение, он даже не мог придумать, чтобы такое сказать старпому. Тот, к удивлению, встретил его в дверях. Баас открыл, было, рот, но Пашка мимо него закричал ощерившемуся негру:

– Калинка! Понял, скотина? Калинка нам нужен! Скажи своему боссу: калинка!

Сомалиец довольно осклабил:

– Калинка!

Потом дернул вперед дулом автомата, изображая этим жестом отнюдь не радушие. Когда старпом отступил, он еще смачно провел ногтем большого пальца правой руки себе по шее и плотоядно облизнулся. Затем прогавкал несколько слов и захлопнул дверь. Что означала прощальная фраза – было неясно. Может быть, просто лай – не более.

Старпом в бешенстве обернулся к притихшим морякам.

– Ну, давай, кричать! Помогай мне. Живо! – сказал он жестко, и урки, как зачарованные, подошли к нему и повернулись к запертой двери.

– Калинка! – кричали они все вместе, и у Бааса звенело в ушах. Он понял, что произошло что-то страшное, и присоединился к хору известных почитателей караоке и поголовно обладающих отличным музыкальным слухом – филиппинцам. Второй механик, удивленно округлив глаза, тоже заревел:

– Калинка!

Его голос перекрыл все другие, и не услышать этот вопль было просто невозможно.

Капитан в лоцманской каюте, слышав крики, поджал ноги и зажмурил глаза: теперь их всех убьют, зачем же они так себя ведут? Может быть, эти проклятые русские или украинцы напились и теперь буянят? Он еще больше испугался, когда услышал, как зашлепали босые ноги по трапам, и забряцало оружие по периллам и переборкам.

Распахнув дверь в румпельное, негры пальнули из автоматов поверх голов отступившего назад экипажа. Повисла тишина, только эхо выстрелов гуляло где-то в закоулках умирающего теплохода. Через несколько томительных минут вперед вышел главарь бандитов: он, не особо торопясь, спустился вниз самым последним.

– В чем дело?

– Калинка, – сказал Пашка. – Понял?

– Понял, – ответил тот. – Ничем помочь не могу. Здесь не санаторий, как вы убедились. Ваше дело. Еще раз будет крик – застрелю зачинщика.

– Но кадет...

– Его дело! – изменившись в лице, словно демон из фильма «Константин», закричал главарь, повернулся и ушел. За ним, гурьбой повалили бандиты. Последний, повернувшись чтобы закрыть дверь, снова жизнеутверждающе провел пальцем по горлу.

Вскоре заморгал и погас свет.

– Все. Электричество кончилось, – заметил Юра. – Кина не будет.

Кадет

Когда погас свет, кадет открыл глаза, но ничего не увидел.

– Мама, – прошептал он, облегченно вздохнул и умер.

6

Того, что их стало на одного человека меньше, поняли не сразу. Тьма в помещении, изолированном от любого источника освещенности извне, казалась особенно густой. Лишь только над сектором рулевой машины и у выходов слабо теплились лампочки по 12 вольт. Это работали аккумуляторные батареи. Никто никогда не проверял, как надолго может хватить этого аварийного питания.

С кадетом разговаривали, пытались подбодрить, не придавая значения тому, что он не отвечает. Если кто шевелился, то его тень тоже двигалась, охватывая почти все видимые участки румпельного отделения. Поэтому многим казалось, что и кадет меняет положение рук и ног.

Баас подошел почему-то к Юре и сказал:

– Все плохо.

– Паша, ходи сюда! Толмач речь держать будет.

После того, как дед подвел его в радикально-радушном приеме сомалийских вооруженных масс, Юра даже не обиделся. Вот только отношение к своему непосредственному начальнику стало каким-то настолько ироничным, что уже граничило с фамильярностью. Он это понимал, пытался контролировать себя, но, порой, нечаянно срывался.

– Боцман! Как там парень? – спросил Пашка через плечо, двигаясь к механикам.

– Заснул, вроде, – откликнулся босс.

– Ну и хорошо, пусть поспит, потом будем его учить, как надо жизнь любить, – старпом присел на гнездо второго механика. – Питер, что там у нас?

– Этот бандит сказал Хартвельду, что долго ждать они не намерены. Нас с капитаном угонят куда-то в пустыню, филиппинцев определят поблизости на работы, – ответил дед. – Если в ближайшее время не будет принято решение о выплате выкупа.

– Понятное дело. Решили применить угрозы, – закивал головой Юра. – Постой, постой – а с нами-то что? Если не в пустыню и не на работы, тогда что? Отпустят, что ли?

– Вас расстреляют, – потупив взор, сказал Баас. – Мне очень жаль.

– Вот интересные качели получаются: кого-то в пески на отдых, кого-то в рудники на каторгу. А нас, стало быть, как самых ненужных просто пристрелят. Чтобы под ногами не путались. Я категорически с этим не согласен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.